

ДУРМАНЯЩИЕ ЗАПАХИ ОСТРОВА...

Александр Матвеев

Дурманящие запахи острова

«У Никитских ворот»

2019

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Матвеев А. И.

Дурманящие запахи острова / А. И. Матвеев — «У Никитских
ворот», 2019

ISBN 978-5-00095-716-5

В этом сборнике рассказов, очерков, путевых заметок «Дурманящие запахи острова...» автор снова возвращает нас на остров Кипр, к героям, уже знакомым читателю по книге «Чудаки на Кипре». Новые приключения морского капитана Всеволода Мареева и его друга писателя Александра Обабко; Япония и дорогие сердцу автора друзья-японцы, с которым он подружился в далёкой юности; малая родина писателя – украинское село Долочье... И острова, острова, острова... Сахалин, Хоккайдо, Кипр – путешествия главного героя Всеволода Мареева явно перекликаются с судьбой автора, капитана дальнего плавания Александра Матвеева.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00095-716-5

© Матвеев А. И., 2019
© У Никитских ворот, 2019

Содержание

И снова Мареев...	5
Тихие Раздумья...	7
Этот дом сумасшедших – фейсбук	8
Дурманящие запахи острова	21
1. пляж nudистов	21
2. Мифы и реальность	23
3. Японское биде	26
4. В парке «Дасуди» – о сокровенном...	29
5. Не с той ноги...	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Иванович Матвеев

Дурманные запахи острова...

Рассказы, очерки, путевые зарисовки

И снова Мареев...

Несколько слов о книге Александра

Матвеева «Дурманные запахи острова...»

В этой книге Александр Матвеев развивает многие классические темы русской литературы, но делает это с только ему одному присущим этнографическим шиком. Сразу хочется отметить, что на первый взгляд эта книга производит впечатление сборника рассказов, новелл, очерков и эссе, но по сути – это большая целостная вещь, пронизанная не только общими героями, но и ароматными смыслами.

Открывается книга «Дурманные запахи острова» очень занятным текстом об интернет-приключениях уже известного читателю по прошлым книгам, излюбленного матвеевского героя, имеющего многие черты самого автора, бывшего моряка, а ныне любителя путешествий, проводящего большую часть года на Кипре, Мареева.

Любопытно, что за внешней игривостью этой вещи кроются серьёзные проблемы: тут и всеобщая безличность общения «не вживую», и одиночество в сети, которое с каждым годом всё больше гиперболизируется, и человеческие грани общения, переход через которые разрушителен. На достаточно бытовом, исходно не романическом материале, Матвеев выстраивает особые отношения героев, побуждает читателя видеть в них лучшее, и это приподнимает его прозу над обычной беллетристикой на значительный уровень.

За первой новеллой следует большой цикл «Дурманные запахи острова», давший название всей книге. Здесь появляется второй герой, давний друг Мареева Александр Обако. Из этой сюжетной пары, из сочетания их темпераментов автор извлекает максимум сюжетных и композиционных дивидендов. Взрывной, чуть наивный темперамент Обако, его незлобивость дополняют серьёзный романтизм Мареева. И в их бытование на благословенном Кипре, любимом месте Матвеева для размещения героев и героинь, столько светлого, мудрого, чистого, что тянет попасть в их компанию, поучаствовать в их разговорах. Здесь Матвеев показывает себя убеждённым позитивистом: о каких бы тяжёлых вещах он ни повествовал, тёмные стороны человеческой натуры он ретуширует, не даёт им проявиться на страницах, тем самым выражает надежду, что они будут как можно реже проявляться в жизни.

Внутри этого цикла есть очень пронзительная история о первой любви Мареева, написано настолько тонко и целомудренно, что остаётся в памяти надолго. Равно как образ Мишки, друга юности Мареева, врежется память, хоть сам рассказчик не выделяет его как-то особо. Вся эта пронзительность, весь этот эффект сопереживания рождаются не за счёт спецэффектов, не в силу некоего эмоционального нагнетания, а благодаря точному знанию и безупречному, с художественной точки зрения, показу жизни, где есть всё, и это всё остаётся в памяти людской, и это всё формирует нас и учит нас подлинному чувству.

Цикл «Такие разные и такие одинаковые» продолжает серию портретов матвеевских персонажей. Стоит отметить, что все герои книги – люди простые, но при этом примечательные вследствие авторского зрения. Он их творец, он преображает их жизни на своих страницах, подсвечивает их тёплыми лучами гуманистического отношения к человеку.

Матвеев – прирождённый рассказчик, поскольку ситуации, в которые попадают его герои, отобраны с большой тщательностью. И не имеет значения, сколько здесь вымысла, сколько правды. Всё это воспринимаешь – как происходившее на твоих глазах, а выступающий рассказчиком Мареев видится давно знакомым человеком.

Постепенно в повествование входит Вена. Видно, что этот город так впечатлил автора, что ему не терпится провести через него героев. Здесь как раз вступает в дело тот этнографический шик, о котором я писал в самом начале. Город, его антураж, его архитектурные артефакты участвуют в действии не меньше, чем живые люди. И это создаёт не только нужный объём текста, но и щемящую достоверность. «Покидаю Ботанический сад через боковую калитку, прозаическую, без вензелей и плетёных решёток. Поражаюсь красоте! Великолепный верхний дворец комплекса Бельведер! Внизу нижний дворец, а за ним городские здания, дальше – предгорье Альп. Вид, от которого дух и всё, что ни есть в душе, захватывает! Красота купается в скромном свечении осеннего солнца. По комплексу бродят слегка обалдевшие туристы, прибывшие чуть ли не со всего мира. Что с ними случается, когда они попадают внутрь верхнего дворца, где собраны картины Густава Климта, Эгона Шиле, Оскара Кокошки?»

Если говорить в целом о творческом методе Матвеева, то необходимо выделить несколько художественных обстоятельств. Во-первых, он всегда следует достоверности, никогда не заставляя героев делать то, что нужно ему по сюжету, а ищет возможность убедительно замотивировать их поступки. Во-вторых, найденная им интонация непринудительного рассказа от книги к книге укрепляется как художественно целостная субстанция. Причём в этой интонации он находит всё новые и новые синтаксические богатства. В-третьих, Матвеев из своей творческой вселенной намеренно исключает планеты зла. И это придаёт его прозе особый тон: если бы он был художник, на его картинах всегда бы находилось место солнцу.

И, в-четвёртых, он великолепно владеет искусством формы. То, как он из случайных, казалось бы, зарисовок создаёт цельные циклы, свидетельствует об уровне мастерства лучше всего прочего.

Максим Замшев

Тихие Раздумья...

Рассказы

Этот дом сумасшедших – фейсбук

Под утро Мареев, почувствовав какую-то тревогу, внезапно проснулся. Пять часов! Скоро-скоро птицы запоют, улица наполнится звуками машин, голосами кипрских мужчин, громких и экспрессивных. Хорошо! Пока ещё ни шума, ни завывания ветра. Из окна – море тихое, на рейде Лимассольского порта – суда в ожидании швартовки к причалу, на горизонте несколько рыбацких шхун. пляж необычно пуст, туристы спят; а бывало, некоторые чудаки в это время уже выходили на пробежку... От берега выскользнула на воду тень и устремилась к волнолому. Как это возможно? О, так это кто-то стоит на доске, гребёт одним веслом. Это сапбордингом называется. В отблеске лунного света виднелся мужчина на сапборде в широкополой шляпе, с рюкзаком за плечами; вот он добрался до камней волнолома и взбирается на них. Похоже, что рыбак.

Красота! Ранняя весна здесь, на Кипре, как в России на Владимирщине в конце апреля... Температура днём за двадцать пять переваливает, пора купаться, загорать, наконец-то почувствовать всеми «фибрами души» апрельское лето. Весна вылетела, словно пробка из бутылки шампанского, не оставив памяти о себе, но Мареев тут же возразил – оставила, оставила... Разве Ираида Пронская из Коврова не запросилась в друзья через фейсбук? Женщина приятная, хотя на фото выглядит нафуфыренной и, кажется, пытается обольстить его или «развести» на дружбе. Эка важная птица! Муж из князей Пронских, ведущих свой род с XIII-го века...

Но фейсбук – это не поместье князя, куда не каждый доступ имеет. В фейсбуке встречи быстрые и расставания скорые. Нажал кнопку, и, если подтвердили, ты в сообществе помешанных на обмене информацией. Не нравится новоиспечённый дружок – устрани его на веки вечные кнопкой. Но если ты уже «в домике», то на коне: доберёшься куда надо и встретишь кого угодно. Написал что-то в своей ленте – тебя читает полмира, поскольку любителей заглянуть на чужую страницу пруд пруди. И ты читаешь посты друзей, иногда можешь заглянуть в гости к незнакомцу, если его дверь открыта. Такая опция есть, а к фейсбучному другу заходишь легко, не стучась. Меньше года, как Мареев включился в игру, а у него уже больше трёхсот не закадычных, а всё ж солидных друзей; почти каждый день у кого-то из них день рождения; забыл – фейсбук напомнит, как вот недавно о Всемирном дне поэзии: поздравления, поздравления... иногда с непонятным подтекстом. Для некоторых поздравителей Мареев – не поэт, а финансовый эксперт. Тоже не фунт изюма вам, хоть и не из княжеского рода...

Словно из затерянных космических миров, послышался какой-то вкрадчивый шорох и отвлёк от утреннего созерцания мира и осознания себя... Что-то происходит в рабочем кабинете, по соседству со спальней. Что за звуки? В квартиру, закрытую на задвижку изнутри, никому не войти. На балкон тоже не попадёшь, но определённо в кабинете кто-то был. Мареев с опаской вышел из спальни и резко дёрнул дверь – никого! Но экран-то к ночи забытого компьютера светился! Как это, по чьей воле могло случиться!? Мареев взглянул на монитор и застыл! Не может быть! Он в чате и ведёт беседу с Ираидой Пронской, хотя сейчас стоямя стоит и ничего не пишет. Но явь есть явь: обмен приветствиями, вопросы Ираиды, Мареев читает свой пространственный ответ... фантазмагория! Ведь кто-то от его имени выступает в фейсбуке. Однофамилец? Двойник виртуальный? Переписка начиналась как ни в чём не бывало с приветствия Ираиды Пронской, но, ёшкин кот, казалось, что его мозг кто-то протирает флаanelовой салфеткой, словно нумизмат монету:

– Всеволод, здравствуйте! Поболтаем?

И ответ якобы его, Мареева, из давнего сновидения:

– Приветствую вас, Ираида! Почему нет? Конечно да!

На синем фоне белые слова, ничего с ними не поделаешь. Да проснулся ли он? Выглянул в окно – море, сапбордист-трансформер разоблачается, взошло солнце и висит в небе красным

диском, но пустота и безлюдье... Это реальность. А на мониторе что за чушь? Кто сидит там, в этом ящике (или где-то ещё) и отвечает Ираиде за него? А что, если это компьютерная версия его, Всеволода Мареева? Ведь научились уже сложнейшие комплектующие детали к роботам разрабатывать на компьютере и распечатывать на принтере! Мареев как-то читал, что доктор Ванесса Диаз из Лондона, экспериментируя, создала виртуальную версию больного, такого человечка, сидящего внутри компьютера? Для чего, кому понадобился его виртуальный двойник? Как-то не по себе стало, Мареев готов был включиться в эту переписку и заявить о себе, настоящем...

На экране монитора, в сером окошечке черными буквами появилось её послание – женщины ли?

– Вы пишете стихи, Всеволод? И прозу? Это так? Сама я – тоже писатель, профессиональный. Сейчас пишу сценарии для ТВ. Тяжелейшая работа. А обо всём остальном можете расспросить Ксюшу, нашего общего «дружочка». Как она вам? Не влюбились ещё в красавицу? А с Розой встречаетесь?

Мареев опешил от натиска женщины, вторгшейся в его жизненное пространство, да ещё при их, что называется, шапочном знакомстве. Так бесцеремонно внедряться в его жизнь?! Его руки непроизвольно потянулись к клавишам, чтобы тут же дать отповедь закулисной мадам. Но уже высветились его ответные строки. Его ли? С ума сойти можно! Он или, точнее, его двойник Виртуал, как в уме прозвал его Мареев, отвечал скучно, подробно и длинновато. Плюнуть бы на всё это, но ему очень хотелось узнать, чем всё закончится?

– Ираида! Я посмотрел в интернете ваш послужной список. Впечатляет количество написанных вами книг. Обязательно найду и буду читать. Да, я пишу рассказы и стихи. Есть кое-какие награды, но я отношусь к ним иронично. Сел за стол – и пиши. При чём здесь награды? Вашу знакомую Розу, сестру Ксении, знаю, но не очень, встречался с ней на Кипре пару раз по делу и без дела. Я не могу назвать её своим другом, но и ничего против неё не имею. Ксения мне ближе, хотя мало её знаю. Насчёт влюбиться в неё, ну вы и замахнулись! У меня столько друзей женщин! И что?

Спустя какое-то время увидел на ленте ниже письма подтверждение даты «22 марта, 06.21», что означало – Ираида прочитала! И замигал, замигал точками чат, показывая, что женщина отвечает ему.

«Скорая на ответ, уже строчит! Посмотрим, голубушка, как ты на это среагируешь! Врёт, врёт тебе Виртуал, готов я влюбиться в Ксению, если уже не влюбился...»

– Зачем – во всех, Сева? В одну, в одну влюбиться! А вообще-то, бывает, что писатель влюбляется в своего героя. Мужчины склонны из любимых ваять сказочных героинь, посвящать им стихи и оды, – утрамбовывала тему Ираида.

Ответ Ираиды – женское понимание любви – рассердил Мареева, но зато сподвиг Виртуала на пространные рассуждения о писательстве:

– Я использовал образ Ксении в моём рассказе как прототип одной из героинь. Не знаю, как она к этому отнесётся, если прочтает рассказ и узнает себя. Конечно, проза – не пересказ жизни наших соседей или знакомых... Прежде всего – это фантазия писателя. Понимаете? Реакция реальных людей на образы, бывает иногда и не совсем адекватная. Как-то человек, прочитав мой рассказ в рукописи, стал учить меня и подсказывать, как следовало построить повествование. В другом рассказе я взял за прообраз героини Манану, грузинку из Лимассола, поведав историю любви и предательства. Так она собрала всех своих подруг на Кипре, и они читали историю вслух. После прочтения женщины наперебой принялись выкрикивать, что их мужа, в отличие от главного героя, не способны на предательство... Чужая душа – потёмки, да ещё какие: хотя есть женщины, у которых душа – нараспашку, светится.

Мареев опустился на стул. Этот Виртуал довольно точно отражает его мысли. Но как длинно, монотонно он пишет. Но вот, что интересно, – Виртуал ловко скрывает отношение Мареева к женщине. Ксюша... Да, было дело – он познакомился с ней в самолёте, рядом сидели, и потом ещё пару раз встречались, в таверне обедали... Стали друзьями там же, в фейсбуке, на странице Ксении он встретил Ираиду Пронскую. Предложила подружиться... Да что же это такое? Кто в фейсбуке действует под его именем? Ираида отвечает ему, Марееву! Неужели и вправду – это происки Виртуала? Но кто? Кто создал Виртуала?

Обескураженный Мареев не знал, что и думать. Почему он или его виртуальный двойник оправдывается, мол, влюблён или не влюблён в Ксению? Какое её, Ираиды, дело? Хотя Ксюша Левандовская – с виду очень даже чувственная дама! И, положив руку на сердце, нравится ему, да...

У иных женщин прямо звериная интуиция, сразу определяют соперниц! Ишь, засуетилась Ираида... Ещё ни разу не встречались, а уже пытается какие-то свои права на него, Мареева, заявить, иначе зачем эти вопросы?

Но ведь это не он, реальный человек, отвечает Ираиде. Чертовщина какая-то! Вот его страница в фейсбуке, вот его послания Ираиде... Это его статусная фотография. Да, он на фотографии, он! Вот Ираида, чернявенькая дама за сорок! Этот Виртуал очень похож на него, изъясняется... хотя переписка «в личку», но вдруг всё-таки дойдёт до Ксении? Да и эта самая Ираида рада будет сообщить ей. А как потом разобраться, где он, Мареев, а где Виртуал?

«Какого чёрта лебезишь перед этой бабой? Какое ей дело до моих отношений с Ксюшей! Подозрительно это», – прикрикнул Мареев на Виртуала, как будто тот сидел перед ним и прислушивался к его мыслям.

Ему показалось, слышится из-за экрана монитора потусторонний ответ: «У этой сценаристки фантазия зашкаливает!»

На экране появились новые строчки риторики Ираиды:

– Сева, я рада, что вы – творческий человек. У меня, конечно, нет такой популярности, как у вас. Поклонники и поклонницы иногда пишут мне, но... Редкий случай, когда хочется с кем-то сдружиться, погулять-выпить. Розу и Ксюшу мы с вами уже обсудили. Ксюша мне тоже намного ближе. А вот на Кипр я не поеду – ни за что! Ведь это Остров брошенных жён. Так считают женщины в России. И страшно: однажды Роза выслала мне фотографии своего сада, на одном из снимков была огромная чёрная гадюка. Роза сказала, что на острове гадюк много. Не люблю я змей! Да и жаркий климат мне не подходит, а ещё на острове какие-то сумасшедшие ветры, то ещё что-то экстремальное случается: пожары, взрывы... А вы – молодец!

«Вот-вот, я уже для неё Сева! Да пошла ты вон со своими рассуждениями о поклонниках и поклонницах! – разозлился Мареев. – Не хватало ещё с тобой гулять-выпивать?! Сама ты та ещё гадюка!» Словно пересохший сорняк с грядки, Мареев вырвал электрический шнур из розетки, пощёлкал кнопками, чтобы отключить компьютер от блока питания, и лёг спать. В последний момент пытался вспомнить что-то важное, но провалился куда-то в тартарары.

Фантастичные монстры с уродливо выпученными глазами и зубастыми акульими пальцами лезли к нему с поцелуями... Чешуйки панцирей лязгали, щёлкали при движении уродин и люминесцировали... Особенно донимала одна гадина со светящимися буквами FB на лбу... Мареев увёртывался от неё как мог, понимая, что если она присосётся поцелуем, то втянет его в себя, живым ему уже не выбраться.

«Ираида!» – вырвалось у него от ужаса, но нет... никто его не видит, не слышит и не отвечает ему никто. Музыка – сплошной металлический грохот; чернявая толстая рэперша, выпучив глаза, истошно выкрикивает слова, видимо, вкладывая в них понятный только ей зловещий смысл:

Океан бурлит, и нутро его пучит,

Пена клубится, ползёт и рычит;
Реки солёные, грохот излучин;
Камни белеют глухих городов...
Птицы на скалах овцами блеют,
Мечется горлица в небе пустом,
Ветры песчаные с Запада веют —
Хаос застал твою душу врасплох!

И он запаниковал во сне. О чём она? Конец света? Компьютерные чудища победили человечество и правят на Земле? И нет ничего живого вокруг, кроме его, Мареева, души, и мечется она птицей в пустынном небе? А люди где? На другой планете? Западные ветры? Как понимать? От грохота музыки, от визжащего рэпа заложило уши, но осталось ощущение, что его голову сверлят... Как спастись? И Мареев непроизвольно принялся во сне шептать: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое; победы православным на сопротивляющихся даруя...»

Проснувшись в липком поту, весь дрожа, Мареев услышал стрекот сороки в кабинете. Компьютер действовал, хотя на экране – пустошь. Но как только Мареев впикинул вилку в розетку, всё восстановилось в жанре принятого «трёпа», ответ Виртуала Ираиде оказался мягким и покладистым:

– Ираида, насчёт безмужних жён на Кипре – о, как вы правы! Но и мужчин-киприотов тоже много, как много на острове и змей. Мужчины всегда готовы оказать внимание даме. Общительные и весёлые, они ищут женщин, бледнолицых и белокурых. А змей хотя и много, но их редко видишь – прячутся от кошек, а котов не боятся: те уж очень ленивые, чтобы за змеями гоняться. Я в прошлой жизни – кот!

– Некрашенная шатенка – это я! Значит, не грозит мне внимание мужчин-киприотов. И сама я из породы кошек, любопытно, что коты у вас бродят сами по себе...

Виртуал тут же среагировал в своём скучном стиле:

– В древние времена царица Елена, мать императора Константина Великого, отправилась на Святую Землю, чтобы найти Животворящий Крест. На обратном пути посетила Кипр. Увидев, как много опасных змей на острове, она приказала доставить на Кипр целый корабль кошек, чтобы те уничтожали гадюк. Вот кошки и расплодились на воле, живут сами по себе. Я даже описал одну в рассказе «Рыжий котяра». У Розы, как я помню, котов нет, а гады плодятся. В остальном всё хорошо, даже климат замечательный на острове! Жаркие месяцы – с середины июля по сентябрь. Зима – комфортная, я купаюсь в море! Цветы – круглый год, фрукты. В горах прохлада в жаркие полдни. А виды какие! Диво дивное.

Не зря Виртуал повторял известную на Кипре побасёнку о появлении мурлыкающей братии на острове, но Ираиде хотелось доверительного разговора не о кошках, а о мужчинах, пропади она пропадом со своей болтовнёй:

– Так что же, кипрские мужчины – ненадёжные мужья?

– Нет, я бы сказал, они хорошие мужья, любят семью, детей, своих жён редко оставляют. Зачем? Жена – для дома, любовница – для улады! А наши сперва жён привозят на остров, а потом обзаводятся юными подружками и оставляют стареющих северянок; такое своеобразное хобби у внезапно разбогатевших мужчин – бросать надоевших жён и жениться на молоденьких секретаршах.

«О, этот Виртуал на что-то намекает Ираиде! Проговорился, голубчик! Я-то ничего такого о ней не знаю», – думал Мареев, но не мог пока додуматься, что за намёк?

– Вы меня уговорили, Сева! Готова я для визита дружбы, но без мужа, а то вдруг уведут там моего князя Пронского, – поддакнула Ираида.

– Приезжайте, Ираида! На Кипре – «вечное лето». Я встретил здесь много друзей и с Ксенией познакомился, летели вместе и вино пили, а через неё – уже с Розой... вот теперь с вами.

Экран монитора стал почти бирюзовым! Раздражённый репликами Виртуала Мареев окликнул его громко: «Виртуал, прекращай болтать с ней! Не видишь, она тебя раскручивает на откровенность, а ты развесил уши и веришь ей, этой прожжённой сценаристке! Судя по дурацким сериалам на ТВ, вот такие, как эта Ираида, и пишут высосанные из пальца сценарии. Ксюша, Роза!.. Что ты о них знаешь? Почему распинаешься, дифирамбы поёшь?»

И в ответ голос, как будто из небытия: «Женщины они – и тем правы!»

А на экране появился ответ от Ираиды:

– Сева, видно, что вы – молодец и большой жизнелюб! Нет, пока не могу на Кипр прилететь. Средств нет, чтобы вот так... круглый год. Ксюшу туда муж отправляет пожить, Роза как-то по-своему устроилась в этом мире, как могла. А я – наблюдатель, хотя и почти классик мировой литературы, как выражается Ксения, ваша любимица!

«Ишь ты, хитрая какая! Денег нет! Зато князь-муж есть! – комментировал Мареев фланговый манёвр. – Похоже, она завидует Ксюше и Розе!»

А интернетный Виртуал гнул свою линию и гнул, но осторожно: этакий дружелюбный мужчина, раздающий бесплатные советы понравившейся женщине.

– У вас на Кипре, Ираида, теперь друзья: та же Роза, значит, остановиться есть где. Проживание (питание и прочее) на острове дешевле намного, чем в Москве. И главное – солнце бесплатное, море бесплатное; пейзажи великолепные – любуйся не хочу; остров благолепия, подарок царя небесного. Возможно, здесь ещё не ступала нога жён потомков князей Пронских... Первой будете.

«Какого чёрта распинаешься, идиот?! Зачем тебе этот молодящийся „классик мировой литературы“ на Кипре?» – шерстил в сердцах Мареев, хотя тут же пожалел, что так неловко отозвался о даме, не молодой, но всё же...

– Сева, время покажет, может, меня и занесёт судьба на Кипр. Но у Розы я жить не буду, мы же ни разу не виделись, не молоденькие тётки, у каждой – свои привычки и моментики. Зачем же стеснять друг друга?

– А я? Разве я не ваш друг, Ираида? – тут же нашёлся Виртуал.

Мареев от возмущения аж подпрыгнул на стуле: «Ты что? Приглашаешь её на Кипр? На кой ляд она мне здесь, эта баба? Я не подписываюсь под такой прокламацией!»

Но Виртуал продолжал убеждать, возможно, самого себя:

– Приезжайте, Ираида. Я сниму для вас номер в гостинице. Вместе походим по вечернему Лимассолу. Я не люблю один ужинать в тавернах, делаю это редко, только с собутыльницами. Я сам себе повар, придумываю меню. Например, беру местные овощи, мелко режу и варю в большой кастрюле. Затем добавляю крупно порезанную рыбу. А вы как? Доверяете готовку графу? Сам я по жизни не наблюдатель, а участник... Всё новое люблю пробовать, на вкус и на ощупь. Удовольствие! Экстаз, приправленный вином!

– Что же ты врешь?! – вскричал Мареев. – Я почти не пью! А ты – «с собутыльницами»!!!

Хотя словечко «собутыльницы» возмутило, но следует признать: «Этот Виртуал всё знает обо мне. Получается, что он – это я, а я – это он! А я ничего не знаю о нём. Откуда он взялся? Ему даже известно, что я люблю рыбный суп!!!» Потом до Мареева дошло, что Виртуал знает и о его тайной страсти к Ксении Левандовской! А если разболтает? Ведь этот фейсбук, словно большая старая калоша-коммуналка... Да что там коммуналка! Сумасшедший дом, в котором никто ничего не скрывает, все – на виду и всё – на виду. Что с сумасшедших взять – говорят, что на ум придёт! «Нет, нет... в фейсбуке люди искренне делятся своими мыслями, – возразил сам себе Мареев. – Что взять с Виртуала, двойника, и куда посадить или поставить в какой угол?.. Хитрит, ловчит, отделяется витиеватыми фразами, на мою ругань не реагирует, а

чесет правду-матку, и не поймёшь – откуда и почему, ведь краснеть не умеет. А Ираида – чертовка...» Но дальше, словно чувствуя нечитаемые мысли, сама Ираида прервала Мареева, продолжая ворковать в чате, как ни в чём не бывало:

– О рыбе с овощами очень вкусно написали вы, Сева! Лето я обычно провожу на своей даче, на Владимирщине. У нас такой уклад жизни – живём всей семьёй в лесу, у реки, и принимаем гостей. Вы же так далеко, что никогда не доедете до нашего леса... Да будет вам известно, у князей Пронских всегда были большие семьи. Вот я и кручусь, как белка в колесе. Так что наш с вами Кипр пока ещё только в образах можно представить – далёкие и незримые планы...

«И слава богу, что далёкие!» – вздохнул с облегчением Мареев.

– Удачи вам, Ираида! Если боитесь кипрских змей, то я готов вместе с вами полететь на Сейшелы или на Мальдивы, с превеликим удовольствием. В творческую командировку! Как вам эта идея, Ираида? Приглашаю вас! Возможно, в четыре руки напишем роман о любви, возникшей в фейсбуке? – продолжал изощряться в словесном блюде Виртуал.

«Свинья, – не выдержал и закричал Мареев. – Кто тебя просит? Мне Ксюша по душе!»

Но призраки из фейсбука то ли слышали, да не слушали и вели свою игру.

– Спасибо, Сева! Заманчиво! Может быть, всё может быть когда-нибудь... У вас, как я вижу в фейсбуке, бурная жизнь?

– Так я же моряк! Капитан дальнего плавания!

«Виртуал ты, а не моряк, – возмутился Мареев, – это я – капитан дальнего плавания! А тебе, кроме Ираиды, ничего не светит! Разве только какое-нибудь озеро Злыдарь из владимирской глубинки!»

– И, чувствую, не раз брали объекты на бордаж! Шалун! – игриво предположила Ираида. – Но Розу почему не любите? Может быть, я не люблю ваши стихи или прозу.

«Начинается... Да она уже готова! Ей уже хочется, чтобы её взяли на бордаж, что ли? Эка дурёха-писательница!» Мареев собрался отрубить компьютер от электричества, но любопытство опять сбило его с панталыку, он остался у экрана, взъерошенный и негодующий. А дама вовсю кокетничала в чате; без длинных пауз, словно навсегда там поселилась. «Ух, жуть – египетская сила!» – ругнулся в сердцах Мареев, а Виртуал – само терпение:

– Конечно, может быть такое! Всё может быть, да и ещё сверх того. Даже с Пушкиным было, а Гоголю собственное сочинение опротивело... Предположение, что я не люблю Розу, – ваше творчество... Хотя в этом что-то есть! Роза – сродни роману, стоящему на полке много лет и ещё даже не разрезанному.

«Обалдел Виртуал, что ли? К чему эти слова о романе? Что я, собираюсь читать эту книгу?» – негодовал Мареев, сжимая и разжимая кулаки. А Ираида продолжала вести разговор по своему сценарию:

– Сева, у меня в друзьях есть писатель Анатолий Головкин, давно живёт в Израиле, в кибуце. Полюбопытствуйте заглянуть к нему на страничку в фейсбуке. Вот его проза мне нравится. А вам? Если ваша проза похожа на его вещи, то есть шанс у вас говорить со мной как с коллегой. О Ксюше вы всегда говорите возвышенно, среди нас, троих, она самая красивая. А с Розой, что не так?

«Напрашивается на комплимент? И с Розой носится – как дурень с писаной торбой... Какой такой Головкин? Это так она кирпичи кладёт в постамент своего «я» с челядью внизу типа Головкина... Что же ты так обмишурился, Виртуал долбанный?» – злорадствовал Мареев.

А Виртуал продолжал разглагольствовать:

– Мне всегда интересен другой человек, в особенности женщина. Для меня – это другой мир, неразгаданный, таинственный и часто непонятно-сложный. У меня нет друзей среди писательниц и поэтесс, а почему? И для меня загадка... Что касается женщин, то каждая из них красива по-своему! Вспомните историю Черубины де Габриак!

«Придурок, что ты так расшаркался перед этой псевдокнягиней? Ишь, на банальности перешёл. Каждая женщина красива по-своему! – передразнил себя, виртуального, Мареев. – А Лилу Дмитриеву зачем приплёл? На дуэль поэтов Волошина и Гумилёва намекаешь?» И правда – что за намёки? Возможно, Ираида – хромая, а Виртуал знает об этом? Или Ираида – фейсбучный фейк??

Но тут-то покорило очередной перл писательницы:

– А если дама весит 100 кг? Она хромает от артрита, у неё вставная челюсть, по ночам храпит как одесский биндюжник? Зачем же говорить, что некрасивых тёток не бывает? Я – за реализм. Понимаете?

– И такая женщина – не монета дорогая, затёртая, музейная, а человек! – не остался в долгу у партнёрши Виртуал.

Диалог в чате затягивался, сплошные унылые банальности, морось... Мареев приготовился закрыть фейсбук и выключить компьютер. Но мадам Пронская выдала такое, от чего он аж подпрыгнул на стуле:

– Да, я вижу людей насквозь, от этого и страдаю. Вам, Мареев, меня, наверное, не жаль – нисколько...

Марееву почудилось, что где-то там, под Ковровом, навернулась слеза горячая из крупных коровьих глаз и покатила по одутловатой щеке...

Экран компьютера окрасился в какой-то жгуче-коричневый цвет. «Ну тётка даёт! Да кем она себя возомнила? Ясновидение?! – подумал с возмущением Мареев и тут же, не выдержав, вскричал: – Виртуал, выдай ей как следует, чтобы не зазнавалась эта статуя из камня и дерева с коровьими слезами!»

И опять тот же голос – беззвучный, но явный, словно в собственной голове родился: «Капитан, имей терпение!»

А Виртуал с прежним пылом уламывал Ираиду:

– В этой жизни общение свободолюбивых дорогого стоит, пронцательная вы наша! Наша! И мне очень хочется встретиться с вами, посмотреть в глаза... Остальное – «суета сует, всё суета». Не раз я убеждался в этом. Хорошего дня вам, Ираида Пронская!

«Мог бы и похлеще ей ответить! По-моему, ты, друг мой, Мареев из компьютера, уже почти раскусил её! Беспардонная особа! Из тех, кто чуть ли не княжеского рода с патентом! Прохиндеи! Но зачем, зачем ты предлагаешь ей встречу?» – Мареев был готов придушить этого болтуна из фейсбука, иначе ему самому, что ли, надо удавиться?

Целый день Мареев находился под впечатлением переписки его виртуального двойника с Ираидой Пронской с клязьминского пляжа! И голос... Такой знакомый, слегка надтреснутый, очень похожий на его, Всеволода, голос.

Днём Мареев опять зашёл в фейсбук. Текст предрассветной беседы с Ираидой сохранился. Чудеса в решете!

Весь тревожный и суетный день доставали мысли об Ираиде, Виртуале... После захода солнца он долго гулял на набережной Лимассола, чтобы сон нагнать, но всё равно спал плохо. Опять приходила Ираида в сиреновом пеньюаре, толстая, килограммов под сто, с распущенными чёрными волосами, но спокойная как Будда. Сидела у изголовья и посыпала его голову пеплом. Мареев физически чувствовал, как пепел невероятным образом проникает в его мозги и оседает на них сизой пылью. Но вдруг Ираида подняла голову вверх, закатила глаза и ликующе завывала волчицей:

Увау-у-у-у-у, уау-у-у-у-у...
Сегодня океан вернулся,
Наступает вода, тонут города...
Уау-у-у-у-у, увау-у-у-у-у...

Было невозможно слушать это жуткое завывание, и он в ужасе вскочил с кровати. Пять утра. Несмотря на ранний час, Мареев оделся и, не заходя в кабинет, отправился куда глаза глядят. Шёл и повторял, потирая голову: «Не одно, так другое. К чему эти ужасные сны?»

Дул свежий весенний ветер, не сильный, но на море образовались барашки.

Мареев и его старинный друг Михалис пообедали на веранде таверны, вблизи лимассольского отеля «Элиас». Безмятежное настроение. Весна и на Кипре – весна, обычная и неповторимая! Несколько деревьев у таверны покрыты нежными бело-розовыми цветами. В море, вблизи берега – сапбордисты.

– Михалис, а ты умеешь на доске кататься, как вон те ребята?

– Мне – зачем? Бесполезное дело. И легко сковырнуться с доски в воду. Путешествие из опасных, далеко в море не поплывёшь. Рискованно.

– Ты прав, Михалис! В море ведь и акулы встречаются, и разные другие морские гады...

Мало-помалу разговор переключился на фейсбук, и Мареев рассказал другу о странном приключении – встрече с неизвестной писательницей Ираидой и с неким существом, вступившим с ней в переписку от имени Мареева. Куда делось благодушное настроение Михалиса, он посуровел, озабоченно сказал:

– Всеволод, фейсбук – не такое безобидное место, как нам может показаться. Предполагаю, что в интернете специально выделена такая площадка, где собраны нужные кому-то люди. Легче манипулировать ими через дружбу и разные чаты. Это изобретение дьявола (не иначе) – виртуального или земного; всего там намешано, каждой твари по паре, как говорится: спецслужбы, хакеры и просто виртуальные хулиганы. Возможно, эта сценаристка использует фейсбук для поиска героев своих опусов? Глядишь, потом появится в том же интернете какой-нибудь сериал с соответствующим названием «Этот дом сумасшедших – фейсбук»?

– И что же мне делать?

– Пойти в церковь, помолиться и поставить свечку во здравие всех друзей: реальных и виртуальных. Авось Господь сжалятся и поможет от напасти избавиться? Но и сам, Сева, что-то сделай. Убери её из фейсбучных друзей – вот и всё.

Мареев не поверил Михалису, а зря! Последующие события показали, сколь мудр был Михалис.

Вечером он не включал компьютер, но спать лёг позднее обычного. И опять ужасный сон – появилась нагая и потная Ираида со старинным серебряным подносом; подобно бельэтажу, он располагался на её необозримом бюсте. Ираида брала с подноса горсть серого песка и посыпала им голову Мареева... И он чувствовал, как песок просеивается через коробку черепа и оседает на мозгах, вызывая жжение. Вот наконец Ираида отступила от него, развернулась и медленно пошла к двери, Мареев даже зажмурился, чтобы не смотреть на её медузоподобный зад, но скоро он сообразил, что всё видимое и движимое – сон, и заставил себя проснуться. На настенных часах ровно пять утра. Что происходит? Почему Ираида посыпает его то пеплом, то песком? Хоть петь перестала и отступила сама...

И вновь... шорох и попискивание в кабинете.

«А плевать на дурацкий сон, – вздохнул Мареев, – пойду! Посмотрю, о чём они тараторят там!» Они? Ведь это он, Мареев, участвует в этой нелепой переписке со взбалмошной женщиной! Экран монитора светился салатovým цветом, с появлением Мареева как-то сам по себе включился фейсбук, и в чате Ираиды стали появляться строчки – как обычно, чёрные буквы на сером фоне.

– Всеволод! Не спите? Приветствую вас!

«Поспишь тут... – подумалось Марееву, – какого хрена пристала ко мне? Что надо?» А вдруг она на самом деле – тоже компьютерный двойник Ираиды Пронской? А вдруг это

персонаж из её книги «Мой герой с Чукотки»? Мареев видел обложку и титул этой книги Ираиды, но читать не стал, глаза берёт.

А на экране тем временем пошло-поехало всё по-прежнему, словно и не было перерыва.

– Доброе утро, Ираида! Я посмотрел ленту Анатолия Головкина. Сразу скажу: он – не мой писатель! Так бывает, даже известные и раскрученные люди, кому-то всё-таки неинтересны. Вот вы мне – по душе... Для меня вы – прежде всего женщина, Ираида! В этой жизни, кроме сценариев и прозы, есть ещё много чего. И женщин я люблю. Хотя не всё так однозначно, правда! Среди них есть и авантюристки, и интриганки, и сплетницы, а писательниц полно с их коллективным героем с Чукотки или ещё откуда-нибудь... Эти дамы – словно машины по производству текстов, выпускают и выпускают свои опусы, построенные в основном на примитивных сюжетах и диалогах... Да и графоманов мужиков, с мозолями на пальцах от клавиатуры – хоть гать гати... В силу своих дарований я пытаюсь исследовать нашу жизнь с женщиной в центре Вселенной. А не махнуть ли нам, Ираида, в Японию, в древнюю столицу Киото?!

От возмущения Мареев чуть не окаменел! Что этот фейсбучный проходимец вытворяет?! Есть у него, Мареева, планы отправиться в Японию, но... с Ксюшей. Он не выдержал и закричал: «Какого хрена! Я с Ксюшей хочу в Японию! Сам с этой Ираидой и отправляйся!»

Опять послышался ответ: «Не возникай! Дамы скандальных не любят!»

И Мареев умолк, покорно уставившись на экран! Ответ Ираиды его уже не удивил:

– Всеволод, вы – романтический моряк! Никогда ещё так круто меня не брали в оборот – никто! Вы – первый такой оригинальный, но мой вес, предупреждаю, 100 кг.

«Готова, голубушка! И про вес ввернула, чтобы интригу усилить... А что? Можешь, можешь дамочкам очки втирать, братец из фейсбука! Ты – ещё тот Виртуал, артист, я виноват, не сразу въехал в твой подтекст... Размякла писательница. Готова к приключениям. А как же князь-боярин Пронский?! – Мареев обратился к своему двойнику с одобрением, словно он сидел рядом с ним. – Плевать нам на князей настоящих и липово-фейсбучных!»

Марееву показалось, что он в ответ слышит смешок: «То-то... А я что говорил!»

Мареев был готов уже выпалить о явлении обнажённой Ираиды во сне, но Виртуал прощался с партнёршей:

– До завтра, Ираидочка! Хорошего дня!

«Ишь, завтра он ей напишет... А меня спросил?» – буркнул Мареев и нажал на кнопку перевода компьютера в спящее состояние. Экран замигал серым цветом и погас. Накрыв монитор одеялом и обложив его подушками, Мареев ушёл досыпать.

* * *

Прошло три месяца!.. Три месяца без сумасшедших – Ираиды, интернета, без кошмаров во сне и наяву. Он запретил себе входить в сеть липкой всемирной паутины, чтобы не нарваться на каких-нибудь пауков или паучьих, провёл всё это время в Москве. К осени опять вернулся на остров, включился в фейсбук. На странице Ксении Левандовской полюбовался её фотографией – ниспадающие на плечи волосы золотистого цвета, глаза восторженно-удивлённые... Много новых постов – портреты музыкантов, виды Балтийского побережья, оригинальная музыка, японская поэзия... Последний пост – нарисованный куст цветущей бархатистой сирени и танка Ариварано-но Нарихиры:

Под дождём я промок,
но сорвал цветущую ветку,
памятуя о том, что весна окончится скоро,
что цветение недолговечно.

«Нравится Ксюше этот японский донжуан из императорского рода. А ведь больше тысячи лет стихам», – думал Мареев и не удержался, чтобы не написать в комментариях лучшие строчки японского принца:

Я вновь и вновь хочу спросить,
Меня ты любишь ли?
А дождь,
Что знает всё,
Лишь льёт сильнее...

Отправил послание и испугался: «Разве Ксения ждёт от меня подобных экзерсисов?»

Ночью во сне опять явилась Ираида в белом медицинском халате и стала осыпать его голову пудрой, пахнувшей мятой. Мареев представил, как порошок проникает сквозь черепную коробку, и... ему во сне стало страшно. А запах мяты становился всё резче и резче, терпеть было невозможно. Дрожа всем телом, Мареев вскочил с кровати. «Опять сон похожий! Пудрят мозги! Значит, дурят! Не иначе – ангел хранитель меня предупреждает!» – молнией промелькнуло в голове.

За стеной громко повизгивал компьютер. Пять утра!

Мареев испуганно и обречённо смотрел на экран, светящийся угрожающе красным цветом. Появилось сообщение от Ираиды Пронской:

– Мареев, прочитала ваше послание Ксюше... И какой стишок подобрали! Вы в неё точно влюблены! Но этой фотографии более четырнадцати лет! Она теперь, как вы сами понимаете, выглядит немного по-другому.

Да и вы, уверена, в жизни другой, чем на аватарке. Вы собираетесь к ней в Калининград? Молодец! Не разочаруетесь? Уверены?

Мареев ждал, что двойник начнёт ей отвечать, но... ничего не происходило. И тогда он решился ответить сам:

– Ираида, спасибо на доброй мысли. Что наша жизнь? Игра! А интернет – тройная игра. Я люблю делать женщинам приятное. Между прочим, я только что прилетел на Кипр.

– Я помню вас и то, что вы любите Кипр, Всеволод. Когда мы с вами имели короткую переписку, вы саркастически отпустили что-то в мой адрес. Я думаю, что вы всё-таки человек вредный, ускользящий игрун.

«Игрун? Словечко какое! А ещё писательница!» – подумал Мареев, но ответил даме в слегка шаловливым тоне:

– Ой-ой-ой... Игрун? Заманчиво звучит... Но я – не публичный человек... И тень мне больше по нутру!

– А я люблю быть на свету. И мужу помогать люблю. Он не только князь Пронский, но и геолог, и талантливый скульптор. Я – организатор его художественных выставок. Что касается вашей неспособленности к публичности, то... не очень верится. Я вижу в ленте ваши снимки, где вы прижимаетесь к редакторшам в нескончаемых застольях, что наводит на размышления...

– Редакторшам? Я люблю застолья как всякий русский Иван!

– Поскольку у вас ещё и украинские корни, Всеволод, значит, вы – Иван-хитрован ещё тот! Я вам советую бочком прижиматься к Союзу писателей России. Это будет как орден или медаль. А мужчины ордена любят!

– Перед вами, Ираида, искривлённое зеркало, в котором видятся украинцы. Они такие же, как и русские, но есть в сёлах и хитрованы, в хорошем смысле слова: смекалистые и весёлые, скорые на шутку. Что касается – прижиматься к Союзу писателей... Ведь он не женщина!

«Куда ты, братец-двойник, подевался? Давай, игрун, включайся в игру, назвался Мареевым, пригласил даму на свидание, так и выкручивайся сам», – Марееву надоела новая фаза диалога глухого со слепой, он никак не мог заставить себя сменить тему разговора. А дама продолжала рассуждать о звёздных писателях, академиках и наградах из казённого мешка.

– Для мужчин награды имеют значение большое. Особенно для писателя! И, как я знаю, у вас они есть: медали, дипломы, грамоты... Мир слухами полнится.

– Я ничего не просил – ничего!

– Но вам давали, и вы брали. Вы – человек определённого круга. Разве не так? Вот вас и награждают. Но ваши стихи, которые я читаю иногда в ленте, недостаточно лиричны, значит, с женщинами не получилось, я в этом разбираюсь чуть тоньше вас. Только без обид, Всеволод!

Весна бежит ко мне с восторгом,
Средь снега крокусы цветут,
Вновь птичьим гвалтом сад наполнен,
Траву сухую рядом жгут...

Где здесь лирика? Зарифмованное описание природы... 19-й век, дорогой Сева!

Марееву стало обидно: за себя, за свою лирику, за композиторов, которые сочиняют музыку, за артистов, которые поют песни на его стихи.

Писательница-душеспасительница вдруг предстала душеприказчицей... Будто ушат ледяной воды вылила. И где здесь критика?! Мареев уже плохо понимал, что дело совершенно не в его стихах, а в Виртуале... Ираида ждала продолжения разговора о Японии, о каких-нибудь Мальдивских островах, где знойные ночи с огромными и близкими звёздами, где засыпаешь под шум океанской волны, звучит загадочная музыка с барабанной дробью, и под эту музыку извиваются в танце мускулистые тела аборигенов. Неважно, будет ли поездка в Японию или на какие-нибудь острова за экватором, но... даме хотелось, чтобы длились мечты и диалог с удачливым фейсбучным двойником Мареева. И он, всамделишный и живой, снова пересилив себя, среагировал будто механически:

– Без обид, но с любовью... Название нового вашего романа? Эх, Ираида, как вы правы! Лирику в поэзию привносит любовь. Да, показанные в ленте последние стихи, скорее всего, об одиночестве... – начав за упокой, тут же перевёл разговор во здравие, – ваш муж, Ираида, из рода то ли бояр, то ли князей Пронских? Не так ли? Но, как известно из истории, этот род иссяк во времена Ивана Грозного! Или какая-то ветвь сохранилась и тянется до нашего времени, если верить грамоте из ООО «Княжеские титулы»?

– Да пошёл ты, знаешь куда? Знаешь! – Ираида употребила крепкое словцо. – Какое твоё дело до моего мужа?! Эй, ты! Петух из курятника под названием фейсбук, где курицы – и те с ума посходили! Не хватает символов из Faceralm, чтоб выразить моё презрение!

«А кто здесь курица? Челодлань-челодрянь! – машинально прошептал Мареев. – Сама себя выдала! – и механически продолжил в рифму: – Ида-Ида-Идаида, от чего твоя обида?»

Тут же в окошке Ираиды высветилось и даже послышалось:

– Болван, не коверкай имя! Правильно – Ира-Ира-Ираида!

Фейсбук закрылся, а экран компьютера продолжал светиться зловещим бурным цветом. Мареев какое-то время тупо смотрел, не понимая, что происходит. Откуда эти голоса? Виртуала, Ираиды... Она слышит его? А может, и видит? Тотальный контроль? На что обиделась? И была ли в фейсбуке Ираида? А если от её имени в переписке участвовал какой-нибудь двойник? «Двойничиха»? Виртуалка? Кто придумал этот безумный сценарий? Ираида? Чего она добивалась?!

Что случилось дальше, Мареев потом будет вспоминать с ужасом. Он обнаружил себя в какой-то допотопной старой кровати, с головой покрытым стёганным байковым одеялом. А

может, и не байковым, и не стёганным, но он отчётливо ощущал эту материю, пока не отбросил её и не увидел себя на экране вставленного в низкий потолок компьютера. А рядом – черно-волосая женщина с огромным бюстом и совершенно нагая. «Что это? – ужаснулся Мареев, – кинофильм? Но как этот мужик на меня похож!?» Тем временем экранная дама, похотливо улыбаясь, привстала с кровати и потянулась к мужчине целоваться. Мареев пошарил рукой, ведь должен быть рядом пульт, надо выключить этот мерзкий фильм, но... наткнулся рукой на мягкие и податливые груди... на экране отражалось то же самое. «Зеркало это, – мелькнула мысль, – а женщина – настоящая!» Закрыв глаза, чтобы переждать наваждение, но ясно ощутил, как шершавый язык облизывает его лицо... И вдруг... укус! Она его кусает?! Больно! Мареев открыл глаза и увидел в зеркале под потолком уродину с акульей пастью, на лбу светятся буквы FB, и себя увидел – перепуганного и жалкого. Ему стало так страшно, что он истошно закричал во сне и заставил себя проснуться, резко вскочив с кровати, ударился головой о потолок, искры посыпались из глаз – всамделишные, да ещё и словно бы солоноватые.

На голове образовалась шишка, было действительно больно. Сердце бешено колотилось, никакой кровати, никакой женщины! Экран компьютера продолжал светиться противным бурым светом и похрюкивать. Мареев лихорадочно постучал по клавишам и прекратил ужасное похрюкивание. Какое-то время оставался неподвижным, пытаясь понять, что это было? Потом сообразил, что задремал он сидя, и вот опять Ираида явилась... «Пакость такая... Опять приснилось! Ишь чудище какое!

Смертельным поцелуем грозила во сне?!» – недоумевал Мареев. Но никак не смог сообразить, отчего шишка на башке? Спасаясь от Ираиды, подскочил метра на два до потолка и ударился головой? И лицо всё мокрое от её поцелуев или слёз собственных, горячих? «Да сон это был, сон, а во сне расслюнявился!» – решил Мареев. Решил-то решил, но как в такое поверить! Может, на голове ничего нет, просто мозг саднит?.. Дурости скопилось столько, что...

Через неделю случилась катастрофа: напали хакеры, сайт Мареева взломали, удалив из него все книги и песенные тексты владельца; полетело программное обеспечение компьютера, и все попытки его запустить оказались безуспешными. Он почувствовал себя беспомощным рыбаком на сапборде, далеко в море, где-то около африканских пустынных берегов... Словно кто-то могущественный вынес Марееву приговор и выключил его из международной сети персонажей, вовлечённых в виртуальную жизнь... Или фейсбук – это механизм анализа, контроля, управления не только геймерами, но и писателями?! Но кто осуществляет операцию и для чего? Позже открылось, что кто-то продолжает действовать от имени Мареева в фейсбуке, переписывается с друзьями и даже ставит «лайки», пишет комментарии и размещает посты с фотографиями. Мареев, как говорят друзья, есть в фейсбуке, хотя у него, реального, нет доступа в интернет.

Что такое фейсбук и кто в нём правит? Где правда, а где ложь, кто настоящие персонажи, а кто виртуалы? «Слава богу, что хоть так закончилось. Ведь недолго было попасть в психушку с этими заэкранными призраками. Не иначе – ангел-хранитель уберёт! А ведь я мог и сам постараться! Почему не позвонил в чате Ираиде, не воспользовался видеокамерой?! Как же я не додумался до этого раньше?» – ругал себя Мареев, пока не сообразил, что надо попытаться войти в фейсбук с чужого компьютера и под чужим именем. Он загорелся этой мыслью: пора расставить точки над «i», пора выбираться из фейсбучной реальной нереальности, где мозги пудрят и пудрят... Вдруг пришёл испуг: «А если это параллельный компьютерный мир? – рассуждал Мареев. – Ведь есть миры и есть антимир. ... возможно, есть и антифейсбук, устроенный взбунтовавшимися роботами-программами. А если я случайно попал в этот ад виртуальный?»

И вот он рядом с Михалисом барабанит пальцами по клавиатуре; через несколько секунд на экране появляется улыбающаяся Ксения Левандовская, и Мареев слышит её мелодичный голос...

На следующий день, до восхода солнца, Мареев, счастливый и весёлый, вместе с Миха-
лисом прогуливался по пляжу Гермасойи. А потом, сидя на огромном валуне у моря, они долго
наблюдали за тренировкой сапбордистов и о чем-то оживлённо переговаривались.

Дурманные запахи острова

1. пляж нудистов

На пляж, на пляж, на пляж... Начало ноября, а погода – словно в одесском сентябре. Под утро, ещё в зыбком сне лицо Обако расплылось во всю свою бледную ширь: Сашко не верилось, что он на Кипре.

Сон улетучивался, но лежать на широкой кровати и вспоминать вчерашний день Сашку понравилось: утром в Киеве, а вечером купаешься с Севой Мареевым в тёплом море... Песчаный пляж «Дасуди», что в Лимассоле, эвкалиптовая роща, закатное небо... Это сладкий сон или именины души?! На виду у берега отдыхают после промысла рыбацкие лодки... А ещё дальше в море – маленькие яхточки под разноцветными парусами. А вода? Парное молоко, слегка остывшее, но до чего же приятная душе и телу такая вода. Сашко чувствовал себя на одной волне с Мареевым, который поплавал немножко и куда-то унырнул к берегу, на песок. Что ж, рядом стайкой плескались женщины, непринуждённо беседуя, словно на танцплощадке или на восточном базаре. А куда им торопиться? Наслаждаются жизнью под лучами неспешно катящегося по небосводу солнца. Красноликое светило трудилось целый день, двигаясь от морской линии горизонта к зениту, потом – к западу, чтобы исчезнуть за вершинами далёких гор.

Приятные воспоминания прервал стук в дверь и голос Мареева:

– Просыпайтесь, сэр, вас ждут приключения! Завтрак на столе!

– Заходи, Сева! Я уже не сплю, – ловко вскакивая в штаны, крикнул Сашко.

Дверь приоткрылась, и Мареев объявил:

– Жду на кухне через пятнадцать минут.

За завтраком Мареев, лукаво улыбаясь, спросил:

– А не махнуть ли нам, друг мой, на пляж в Писсури? Это в сторону Пафоса, километров тридцать от Лимассола. Деревушка на вершине холма, на берегу моря. Вода чистая как изумруд! И пляж обширный – песок и галька.

– Писсури? Забавное название. А что там ещё можно увидеть кроме пляжа?

– Для плотских удовольствий там есть великолепные рыбные таверны, для души – храм святого Апостола Андрея. Есть и другие примечательности, на месте разберёмся. Там недалеко бухта Афродиты. Ты ведь хотел увидеть её?

По старой привычке журналиста Сашко ко всем фактам подходил основательно и прежде, чем отправиться куда-то в путешествие, всегда долго готовился. Собирает, бывало, в интернете, в библиотеках информацию, расспрашивает знакомых, готовит планы, маршруты, намечает места, обязательные к просмотру. И к путешествию на Кипр он давно подбирался: ещё с тех времён, когда вместе с Мареевым и киевскими друзьями ездили на Хмельниччину, в село Дубовэ. Во время банкета, после творческого вечера, когда они сидели за столиком и подписывали сельчанам свои книги, Сашко не выдержал и спросил друга:

– Сева, ты ведь часто на Кипре бываешь. От тебя далеко то место, где Афродита по легенде вышла из моря? Ты бывал в этой бухточке?

– Бывал, бывал...

– А Афродиту нэ зустрічав? – улыбнулся Обако.

– Зустрічав и нэ одну.

– Навить так?!

– Так! Там молодые туристки любят окунаться в море, особенно скандинавки! И украинские наши афродиты встречались. А давай, Сашко, приезжай на Кипр! Ко мне в гости!

– Спасибо, Сева! Не знаю, не знаю... Мне с Надюшей надо посоветоваться. Ведь на даче в Прилуках дел неуворот! Да и книга рассказов почти на выходе. Хотя, может быть, по осени?

Мареев, дурачась, стал напевать слова из когда-то расхожей песенки: «Я готов целовать песок, по которому ты ходила...» Но обнаружив, что сельские учительницы смотрят на него, тут же перешёл на серьёзный тон:

– Приезжай в октябре-ноябре, море ещё тёплое, да и Афродит этих там пруд пруди...

– Да ну тебя, Сева! Не понять, где шутишь, а где всерьёз говоришь.

– А я серьёзно приглашаю тебя на Кипр!

– Я-то желаю... Но...

– Не робей, Сашко! Хорошее желание. Одобряю!

И Мареев опять стал тихонько приговаривать: «Я готов целовать песок, по которому ты ходила...» Что Сева одобрял – Обабко так тогда и не понял: то ли его желание приехать на Кипр, то ли своё желание целовать песок, по которому Афродита ходила, или всё вместе взятое в одном флаконе. Сейчас не так это и важно – он, Обабко, уже на острове.

– Мечты вчерашние, а чувства новые, – замурлыкал, словно кот весенний, Сашко, но тут же спохватился и перешёл на деловой тон: – Сева, мне всё интересно на Кипре! Древняя цивилизация. Мифы и реальные истории. Даже не знаю, что для меня важнее. А как мы доберёмся до Писсури?

– Марго отвезёт. Её хлебом не корми, но дай куда-нибудь на машине поехать. Ездит почти как Шумахер! И в море с нами поплещется.

– Отлично, Сева! Наконец-то с твоей дочерью познакомлюсь.

Марго – высокая, длинноногая флейтистка. И детей учит музыке. Привыкла вразумлять учеников, и эту свою привычку на взрослых переносит. «Ну-ну... – подумал Мареев, – возьмёт тебя Марго в оборот! У неё ведь рот закрывается, только когда спит, да и то по выходным». Однако, несмотря на то, что Мареев не доверялся чудесам, Обабко и Марго отлично ладили друг с другом, готовясь к поездке, а потом и в дороге.

Когда свернули с трассы, Обабко без устали умилялся виноградникам и оливковым садам. Виноград уже убрали, но стройные ряды низкорослой лозы поражали воображение. А вот к сбору оливок только подступали, можно было наблюдать, как люди расстилают под деревьями брезент и специальными скребками сбивают плоды наземь.

И вот они втроём в Писсури! На заветном пляже!

Загорали, купались, болтали ни о чём. Обабко поражался чистоте и прозрачности воды. И надо же: деревенька всего ничего, а какой здесь роскошный отель «Колумбия»! И до чего же живописна сама бухта Писсури! Кажется, всю жизнь можно прожить на её берегу. Марго уплыла к рифам, Мареев уткнулся в книгу. Озабоченный Обабко, не спеша, побрёл вдоль кромки воды в расчёте дойти до бухты Афродиты, где, как он помнил по легенде, богиня вышла из пены морской. «Каких чудес на свете не бывает? – думал поэт Обабко. – Вдруг дойду до этой самой бухточки, а там – сама Афродита?» Неожиданно для себя он стал напевать украинскую песенку:

– Ой ты, Галя, Галя молодая...

У поэта всегда романтика в сёстрах числится, а на самом деле является любовницей. Галя – на Украине, а здесь юная, вышедшая из пены Афродиты.

Немноголюдный пляж Писсури остался позади, вдали виднелись деревья. Подойдя поближе, Сашко увидел свободно разгуливающих по пляжу голых мужчин и женщин. Нудисты! Вот это да! Говорил же Мареев. Несказанно повезло. Где он такое ещё увидит? Стал приближаться осторожно, с недоверием. Не поколотили бы. А вдруг примут за маньяка? Немного углубился на территорию пляжа и решительно снял плавки. Оглянулся вокруг, куда бы их пристроить. Некуда! Песок да галька вокруг. Вытащил из плавков красную тесёмку, которую обычно завязывал бантиком. Вырыл в песке ямку, спрятал в неё плавки и присыпал галькой с

горкой. Постоял, полюбовался своей работой, а потом аккуратно перевязал левое бедро красной тесёмкой, соорудив по привычке бант. Ему казалось, что бант хоть как-то заменяет плавки. Пусть это иллюзия, но всё же не совсем голый...

Обабко шёл по пляжу нудистов, стараясь сохранить чувство собственного достоинства, голый, но с красной ленточкой на бедре и маленьким изящным бантиком. Купальщики и купальщицы – ноль внимания на него. Прошёл мимо кучки мужчин и женщин, стоящих у кромки моря. «Мы голыми приходим в этот мир», – Обабко вспомнил древнюю мудрость и улыбнулся своим мыслям. Дама средних лет, грудастая, с большими синими глазами, посмотрела на него и прыснула, что-то сказав подруге. Засмеялись все и двинулись за ним вслед. Он кожей чувствовал прожигающие взгляды. Не выдержал и прибавил шагу. Сделав небольшой полукруг, направился в сторону захороненных плавков. Чувствовал, что за ним идут. Ловил удивлённые взгляды встречных голых людей. Почти подбежал к горке насыпанной гальки, разбросал её ногой и стал рыть песок. Но в песке плавков не было, шаг в сторону – результат тот же. Несколько куч песка высились рядом. И что делать дальше? Обабко представил, как он возвращается на свой пляж, прикрывая, подобно Аполлону, мужское достоинство листком дуба... Нет, такой ужас невозможно представить! Поднял голову и увидел толпу голых мужчин и женщин, смотрящих на него молча и с интересом. Один лысый, рязанской внешности, спросил по-русски, в упор глядя на Обабко:

– Золото ищешь? Так лопату надо было с собой захватить!

– Плавки ищу. Закопал.

– Ну-ну... Ищи, – и лысый что-то сказал по-английски.

Послышался смех, и толпа начала расходиться. Обабко сел на песок, обхватил голову руками и стал мучительно соображать, что делать дальше.

– Мужчина, посмотрите сюда! – окликнула его разбитная блондинка. – Я ковырнула ногой холмик из гальки, а под ним синяя тряпка. Не ваши ли плавки? Мы в Одессе такие шуточки на пляже проделывали, игра такая была у нас.

– Ой, спасибо, дамочка. Мои, мои... – Обабко резво вскочил на ноги и кинулся целовать блондинке ручку (он всегда целует дамам ручки), даже вытянув губы дудочкой.

– Мужчина, не смешите мои тапочки! Вы и так весь пляж своим бантиком развеселили. Помните анекдот: «Чёрт-те что и сбоку бантик!» Я бы не сказала, что чёрт-те что, но бантик очень смешно выглядит. Прощайте.

Одесситка удалилась, а Обабко поспешил к Марееву и Марго. О злключении им рассказывать не стал. Но выглядел каким-то смущённым, словно не в себе. В таверне вино не пил. После обеда отказался идти осматривать деревню Писсури и её окрестности.

– Как же так, Сашко? Ты ведь хотел храм святого Андрея посмотреть? – удивился Мареев.

– Очень хочу. Но только не сегодня. День – не мой!

«День – не мой! Немой день...» – стучала дребедень в висках. Хотя у кого такого дня не бывает, особенно при посещении Писсури?! Не зря же деревня прозвана так, вероятно, с древних времён. «Возможно, в названии скрыта кара Всевышнего для не в меру любопытных», – подумал Сашко, но не стал делиться этой мыслью с Мареевым.

2. Мифы и реальность

Три дня на Кипре... Счастье несказанное! С утра на пляж с Мареевым! Перед тем, как войти в воду, – традиционная прогулка в плавках вдоль моря. Обабко засмущался своим мыслям. Ему-то хорошо здесь, а жена Надежда занимается дачей под Прилуками. По телефону сказала, что у них небо хмурое, слякоть, холод уже стал донимать, особенно по ночам. Пора, пора законсервировать дачу на зиму. Надежду жалко, самому совестно. Приглашал вместе поехать

на Кипр, отказалась. Эх, а так бы ходили с ней по пляжу и в море нежились бы. Не любит самолёты, а любит сидеть на даче и банки с огурцами закручивать...

Тут мысли Обабло резко переключились на предстоящую пешую экскурсию по Лимассолу. С утра сбор группы в старом порту, а потом будут бродить с гидом по кварталу, где находится средневековый замок. В нём во время Крестового похода на Иерусалим венчался сам король Ричард Львиное Сердце! Экскурсия по-английски, но ничего – Марго переведёт.

Всё получилось так, как и мечталось! Обабло с Мареевым и Марго полдня провели в старинном центре Лимассола. Узкие и кривые улочки, мощённые камнем, антикварные лавки, храмы, скверы, словно из Парижа времён Османа. Интересный экскурсовод – женщина лет под пятьдесят, но стройная и приятная в общении. Мареев не только вникал в её рассказы, но и торчал рядом всё время, так и поедая её глазами. А наслушавшись её ласкающего голоса, готов был даже сыграть на лютне, лежащей на столе в мастерской музыкальных инструментов. Старинная лютня, давно вышедшая из моды, но с недавних пор кипрские музыканты опять стали играть на ней. Всё в этой жизни, говорят, будто бы возвращается на круги своя...

Пили кофе, фотографировались, в общем, трудовой день киевского поэта на Кипре удался.

После обеда и непременно сиесты Обабло, не дожидаясь ужина, отправился к морю.

– Сашко, ты долго не задерживайся. Ужинать будем в рыбной таверне.

– На закат посмотрю, сфотографирую – и назад.

И вот он сидит на скамейке в эвкалиптовой роще и любит тихим закатным морем. Приблудный кот примостился рядом, словно старый знакомец. Рыжий, с большими глазами зверь. Упитанный. И на шее – тонкий кожаный ремешок синего цвета.

– Тебя как зовут, зверюга? – спросил Обабло.

– Мр-р... – в ответ.

Ленивый кот поднялся и стал тереться о ноги новоиспечённого друга. Потом не спеша, задрав пушистый хвост к небу, проследовал к кромке воды. По повадкам кота было видно, что это его территория. Он на пляже хозяин, а Обабло – пришелец, побудет здесь и исчезнет навсегда. Так уже не раз бывало в его кошачьей жизни. Рыжий был умным и рассудительным, к пришельцам относился хорошо, некоторые его угощали разными вкусностями, но кот, бывало, даже не обнюхивал их. А этот ничего не принёс. Новенький. Обычаев местных не знает. Разве трудно было захватить с собой кусочек колбаски? Мог бы купить пачку кошачьего корма. Ведь добрый дядька, по морде видно, что не жадный. Но глаза слегка плутоватые. Но это, скорее всего, от ума. Нескучный человек, любопытный, даже очень любопытный. Неспроста же при первом знакомстве под хвост заглянул и в восторге воскликнул:

– Да ты, рыжий, ещё тот котяра! Вон какие крупные шары под хвостом!

Как на такое реагировать коту? Молча! У людей иногда такта ни на грамм. Такое могут отчебучить... Но этому бледнолицему простительно. Видать, впервые на пляже. Поэтому и ведёт себя запанибрата с первым встречным котом. Если бы на Сару, рыжую кошечку попал, та могла бы и морду расцарапать. Не терпит, когда туристы ей под хвост заглядывают.

Обабло с любопытством наблюдал за променадом рыжего. Откуда ему было знать, что коты на Кипре сообразительные, по любому поводу имеют собственное мнение?

А дальше... Дальше произошло самое невероятное. Появилась она! Женщина в фиолетовом купальнике и с бумажным кульком. Шла по пляжу, всё ближе и ближе к Обабло.

– Зевс! Зевс! Ждэш мэнэ? Ждэш?

– Мяу... – неожиданно противным голосом отозвался кот и неспешно потрусил навстречу даме, вытянув морду, явно чуя запах из кулька.

От удивления Обабло привстал со скамейки. Вот так кот! Да он известный зверь в эвкалиптовом парке! Ишь... Дама к нему пришла! Да ещё наша, украинка! Землячка! А та вываливала на картонную тарелку мясо из кулька, приговаривая по-украински:

- Йиж, Зэвсык, йиж, скоро зыма прийдэ. Треба тоби жырку накопычыты. Кот интеллигентно принялся за пищу.
- Та яка тут зыма? – не выдержал Обабко. – Морозу ж нэма! Тэпло!

* * *

Обабко вернулся к Марееву где-то к полуночи. Тот весь извёлся, опасаясь худшего: заблудился, утонул, не дай бог, напали хулиганы в парке, хотя какие на Кипре хулиганы?! А если человек просто занемог? Лежит где-нибудь среди деревьев? Пришлось вызвать Марго, чтобы ехать искать друга. Не мог торчать в доме, то и дело выбегал за ворота, всматриваясь в дорогу, ведущую к морю. Выскочив в очередной раз, он увидел Обабко, весело шагающего под огромной, по-южному чистой луной.

- Ой, Сашко! Слава богу, вернулся. А я тут себе места не нахожу. Дэ ты був? Заблукав?
- Зэвса зустрив на пляжи...
- Как Зевса? Настоящего Бога?
- Да нет, кота рыжего так зовут.
- И что? До полуночи с котом общался?
- Потом подошла Эллочка... – Сашко явно смутился.
- Эллочка-людоедочка? – съязвил Мареев.
- Элла из Белой Церкви. Замужем за кипрским лётчиком, он в Арабских Эмиратах работает. Элла приходит по вечерам купаться и Зевса подкармливает.
- Сашко, не морочь мне голову! Так и скажи, что, пока лётчик в небе, ты гостил у землячки. Мог бы позвонить с её телефона, чтобы я не волновался.
- Сева, да что ты такое говоришь? Я действительно был у неё, но только, щоб нашего сала взяти. Да ще пляшку пэрвака дала. Угостила. Я для тебя старался. Сало, скажу тебе, класс! На соломе солили. Из Белой Церкви передали! Эх, сальце, чёрный хлеб с тмином да горилочка в запотевшем графинчике!!! – помахивая авоськой и слегка пританцовывая, ликовал Сашко. – Крышталэва чарочка, срибнэе дно, пыты чи нэ пыты – всё одно!

Мареев во все глаза смотрел на него, не узнавая друга.

- Ну и ну, – задумчиво произнёс он. – И когда снова в гости собираешься к Эллочке-людоедочке?
- Да какая людоедочка?! Наша молодыця! Весёлая и добрая. Вот, сало пробуй. А в гости? Да, пригласила – завтра на вечер. Вместе с Зевсом пригласила. Она его любит как родного.
- Мареев чуть не выпалил очередную шутку-издёвку, но вовремя прикусил язык, сказал миролюбиво:

– Давай на боковую, Саша! А завтра посмотрим. Утро вечера мудренее.

Как раз и Марго подкатила на машине, стала щебетать, нахваливая розоватое с прожилками сало. То, что человек чуть не пропал, её особо не взволновало, а вот сало... И нюхала его, и пробовала тонкую полоску с ножа, и ахала, и охала. А Обабко ей поддакивал:

- Вот то-то... Наш продукт, украинский! Со знаком качества в виде смолёной шкурки! Ни с каким сервелатом не спутаешь.

Мареев не выдержал и прикрикнул:

– Всё, всё, всё! По домам и спальням. Забирай, Марго, сало и отчаливай! Спать пора!

Утром завтракали молча. Сашко не поднимал глаз от тарелки. После завтрака Мареев не выдержал и спросил:

- Саша, у нас сегодня запланирован ужин в деревенской таверне, в Пареклише. Будет киприот Никос, мой друг, его жена англичанка Аманда, Марго будет. Ты с нами или с Эллочкой-людоедочкой?

Лицо Обабко стало красным, аж пунцовым.

– Сэво, ты Надии нэ дзвонив? Ничего ей не говорил о моём вчерашнем приключении?
– Да ты что? С чего бы я стал твоей Надии звонить? Да я и телефона её не знаю.
– Она мне сама под утро позвонила! И стала расспрашивать, что у меня стряслось? Целую ночь не спала. Сны тревожные снились ей.

– И что? Что ты ей сказал?

– Рассказал про этого рыжего кота и про Эллу! У нас с Надюшей нет секретов. Так мне стыдно, так стыдно...

– А что Надюша? Ругалась?

– Да куда там?! Молчала и вздыхала в трубку, лучше бы она поругала меня. Да не пойду я к этой Эллке! И кота этого, рыжего обормота, видеть больше не хочу. Не зря его Зевсом прозвали! Видимо, в этого развратника кот и пошёл! А может, то сам Зевс был в обличье кота? Свёл меня с Эллой, будь он неладен! Эх, котики-воротики!

– Сашко, не переживай так. У тебя Надюша – золотце! Все понимает. Простит. Да и никаких ты дел особых не натворил.

– Так-то оно так... А мог! Надежду жалко. Зачем ей эти переживания?!

Друзья долго ещё говорили. О Кипре, о том, что в таком древнем месте, где столько всего намешано и напутано, всякие чудеса могут случиться. Не исключено, что боги продолжают жить на острове, скрываясь хоть в котах, хоть в деревьях, хоть в самых обыденных вещах, ведь издревле так было.

Приехала Марго, и друзья отправились в горную деревушку Омонос. Обабок был сосредоточен и постоянно что-то вносил в свою записную книжку. Уже в горах, во время дегустации вина, когда Мареев отвлёкся на беседу с хозяйкой таверны, Сашко спросил тихонько:

– Марго, а в какое время лучше посетить бухту Афродиты? На восходе или на закате?

– Не имеет значения. Там всегда красиво!

– Не скажи, Марго. Важно знать, в какое время богиня выходит из моря! А вдруг мне повезёт и я увижу красавицу!

Марго с пониманием посмотрела на поэта. А что? Мифы – устойчивая вещь. Но где граница между реальностью и фантазией, оживающей под жарким кипрским солнцем? Что происходит в душе поэта, разрывающейся между супружеской ответственностью перед ждущей его в далёком Бахмаче верной Надюшей и желанием полюбоваться выходящей из пены морской прекрасной в своей наготе местной Афродитой?

3. Японское биде

«До нашего села эта мода ещё не дошла...» – прокомментировал Сашко Обабок рассказ Мареева о биде-унитазах в японских гостиницах.

Обабко – бывалый путешественник, куда его только судьба не заносила! Ездил по разным странам, где в своё время проживали знаменитые земляки: Николай Гоголь, Серж Лифарь, Александр Вертинский и многие другие. Все свои средства тратил на эти поездки, зато повести и романы о жизни знаменитых людей получались достоверными и интересными. Даже в Китай летал, во французском квартале Шанхая исходил всё своими ножками, искал там следы Вертинского. Кстати, и Мареев в своё время жил целый год в Шанхае, в том же самом французском квартале... Знал Сашко, что Мареев был капитаном на морских судах, но китайский эпизод в жизни друга открылся для Обабка уже здесь, на Кипре.

Сидели как-то вечером на скамейке в парке «Дасуди» и вспоминали былое. А вспомнить было что. Тот же Сахалин, где многие годы после окончания одесской мореходки Мареев работал в островной судоходной компании. Сашко вместе с матерью и бабушкой в детские годы жил на Сахалине в небольшом посёлке Новотроицкое, что недалеко от Южно-Сахалинского аэропорта. Мама, царство ей небесное, работала в плодово-ягодном совхозе, там и замуж

повторно вышла. В памяти Сашка остались навсегда сахалинские картинки: зимы метельные, вёсны неспорые, но буйные, лето рыбное, когда ведрами икру лососёвую на зиму заготавливали. А осень? Красавица сахалинская осень! Ягодное море, что в совхозе, что в тайге. Большой урожай крыжовника, смородины в конце лета – в начале осени. А в тайге собирали бруснику, морошку и клоповку – так местные прозвали красную ягоду за её специфический запах, но из неё получался вкуснейший морс. Мужики разбавляли засахаренную клоповку водой и использовали для запивки в зимнее время, когда вьюга за окном дни напролёт, а застолье становилось неременным атрибутом их общения. Да что там говорить! И Сашко с друзьями, такими же, как и он, мальцами, наслаждался морсом. Это потом Сашко узнал, что ягоду по-научному называют «красникой». А ещё была брусника! Её замачивали на зиму прямо в бочках. И к мясу подавали мочёную, и на сладкое – в сахаре. Хотя и то, и другое нечасто на столе появлялось, зато картошки было вдоволь, и рыба была, и грибы были! О, грибы! Белые, подосиновики, маслята, рыжики, лапчатые и мясистые грузди, лесные и луговые опята, семейный гриб обабок... Семейный потому, что фамилия матери Сашка от этого гриба пошла (это так на Черниговщине называют подберёзовики). И у сестры Любы такая же фамилия, мать не захотела её менять, потому отчим и подтрунивал часто над «обабками». Отчим был из тех, кто «выпить не любит», всегда готов к застолью – как солдат к приказу. А выпив, стучал кулаком по столу, по-генеральски приговаривая: «У нас обабок и зимой, и летом растёт! Молодец, Саня! Смекалистый! Ишь, рыбы сколько натаскал удочкой!»

Вскоре семья вернулась на Украину, отошли в мир иной отчим, потом – мать, а бабушка осталась в сахалинской земле почивать. Обабок шесть лет назад летал к бабушке на могилку, постоял, помолвился, всплакнул.

– О чём думаешь, Сашко? – тихо спросил Мареев.

– Сахалин вспоминал. Речку Сусую, где я научился плавать – сначала по-собачьи, а потом – в размашку. Переплелись наши судьбы на острове, хотя встретиться там не пришлось. Я школьником был, а ты, Сева, уже морячил.

– Морячил-корячил, – отшутился Мареев.

– И как же это японское биде работает? Не пришлось мне в Японии побывать и уже, наверное, не придётся, разве что, если о тебе, Мареев, начну книгу писать, то проедусь по местам твоей моряцкой славы! Ты-то сам, Сева, видел это биде в Японии?

– Видел, видел... Невозможно словами описать. Надо испытать! Как только эта штука-вина лет двадцать назад появилась в жизни японцев, так они перестали селиться в тех гостиницах, где её не успели установить.

– Прямо какие-то туалетные страсти...

– Унитаз, но необычный: с музыкой и с автоматическим обмывом! На подлокотнике пульт управления. Выбираешь музыку под свой настрой: блюз или рок! Или ещё что-то подходящее для момента. Закончил своё дело, нажал кнопку, вода зашумела-забурлила и унеслась в глубину подземную. И музыка меняется на лёгкую, расслабляющую, а в это время тёпленькая струя – прямо туда, где потребен обмыв и массаж. Приятно и радостно. Прагматичные японцы всё правильно рассчитали – дело житейское, всем нужное. Слаб человек: неудобно рассказывать, зато как удобно пользоваться! Всем подходит: и старым, и молодым; и уродинам, и красавицам.

– А на Кипре? Есть на Кипре это самое японское биде?

– Не-е-е... И даже не пытались устанавливать. Дорогущее удовольствие, вряд ли приживётся. Здесь любят вещи натуральные, ручные... Может, в какой-то гостинице и установили для эксперимента... Кто-то мог себе домой выписать для экзотики. И то вряд ли. Здесь принято, что старики выписывают девушек из Юго-Восточной Азии для помощи по дому. Это непалки, вьетнамки, филиппинки, тайки... Зарплата небольшая – 350–450 евро в месяц, проживание и еда, социальный пакет за счёт хозяина. Ручной, так сказать, уход вместо бездушного

работа с музыкой. Буддисты превозносят тело человека, а христиане – его дух. Вот, на Кипре они и соединяются в гармонии. Это тебе не хоботы-роботы, Сашко...

Вот после этих слов Сашко Обабо и сказал, что, мол, зря, до нашего села мода на биде-унитаз ещё не дошла.

Оба друга родились и выросли в украинском селе, и в этой присказке был свой, понятный смысл.

Помолчали, каждый думая о своём.

– А давай-ка, Сашко, выпьем по бокалу кипрского вина где-нибудь в весёлом месте. А то как-то сильно запахло Востоком. Недалеко есть пятизвёздочная гостиница. Недавно ремонт ультрасовременный сделали. Вот мы и посидим там, в баре. Как ты?

Обабко заулыбался:

– Не против.

Играла музыка, пела, пританцовывая, африканская певица... Пили вино, закусывали орешками, шутили. Смеялись.

– Сева, где здесь туалет? Спроси, пожалуйста.

– Наверно, на втором этаже. На Кипре вообще очень часто туалеты устраивают этажом выше.

Так и оказалось.

И вот Сашко Обабо в кабинке с облицованными мрамором стенами. Розовый камень с золотистыми прожилками! Тихая, расслабляющая музыка. А унитаз с десятком оттенков голубизны, а вода в нём небесно-голубого цвета. Сбоку на подлокотнике чёрный пульт с белыми кнопками. «Японское биде?» – мелькнула шальная мысль у Сашка Обабо. Пусть ему уже за шестьдесят, но в глубине души он остаётся тем же любопытным пареньком из села, с широко открытыми глазами, способным удивляться чудесам. И Сашко присел на это самое японское биде. Послушал музыку, подождал какое-то время и нажал наугад кнопку. И когда вода под ним зашумела-забурлила, встал, чтобы увидеть, как эта штуковина работает под нежные восточные мотивы. В раковине образовался голубой водоворот и вовлёк за собой куда-то в далёкую глубину следы пребывания Сашка. Он в восхищении нагнулся над этим чудом японской техники, чтобы понять, откуда льётся эта музыка. И вдруг... прямо в лицо ему ударил фонтан воды, ударил будто из поливного шланга на даче весной, да так неожиданно, что Обабо едва успел зажмурить глаза.

– Тьфу ты! У саму пыку залипыла! Зараза! – выпалил в растерянности наш герой, присовокупив ещё словцо покрепче, утираясь салфеткой.

Раздался мелодичный женский голосок:

– Аригато годзаимасу.

– О, вона щэ и дякуе, бисова маты...

Догадался, что поблагодарили по-японски. Оглянулся, нет ли кого рядом, не видит ли кто его конфуза? «Хто ж мэнэ побачить в туалэтний кабيني?» – рассмеялся в ответ на свой же вопрос. Повторил процедуру ещё несколько раз, пока не испытал всю полноту удовольствия от чуда техники. А в конце подумал: «А, можэ, то вона нэ дякуе, а матюкається по-японськы?!»

Обабко вернулся за столик к Марееву, не переставая смеяться.

– Случилось чего, Сашко? Что тебя так разбирает?

– Не могу... Ой, остановиться не могу, – продолжал смеяться Сашко, согнувшись пополам над столиком и отмахиваясь рукой от чего-то невидимого.

– Ты посмейся, посмейся, друг мой, а я ненадолго отлучусь...

Мареев тоже не возвращался к столу более получаса. Вернувшись, произнёс, посмеиваясь: «Теперь понял, почему ты так ухохатывался, Сашко! Пырнула и мэни в пыку, холэра!» И добавил глубокомысленно: «И до нашего сэла ця мода дийшла».

4. В парке «Дасуди» – о сокровенном...

Закатное солнце подкатило к горам, вот-вот скроется за их вершинами. Ноябрьское море – тихое и светлое. Несколько поздних купальщиков барахтались недалеко от берега, с десятков кораблей на рейде. Мареев и Обако прогуливались вдоль моря по дорожке парка «Дасуди». Навстречу шли такие же, как они, любители прогулок; две женщины оживлённо болтали о своём, но, заметив брошенный в их сторону оценивающий взгляд Мареева, заулыбались в ответ, открыто и доброжелательно.

– Что более всего запомнилось мне в жизни? Вот ты спросил, Сашко, и сразу в моей памяти выстроились в очередь события... Именно события из прошлого. И все важные для меня. Детство на Хмельниччине... Речка Вилия, лето! Земляничные поляны в лесу! Какие грибы собирали в дубняке по осени! А зима, когда сугробы под крышу наметало, на лыжах катались с них! Потом... Любовь и горечь разочарований, дружба, предательство... А восходы солнца в Охотском море?! Стоишь на капитанском мостике, а на горизонте вдруг из моря всплывает краешек красного диска... И тяжёлые льды не забыть, когда судно – ни вперёд, ни назад... И потери были... То жизнь была – настоящая! Да разве всё расскажешь? – Мареев пытливо посмотрел на своего друга, печально улыбаясь.

– А ты, Сева, расскажи то, что первое вспомнилось? Первое – оно и есть самое настоящее.

– Да, Сашко, ты прав. Дедушка вспомнился. Дед Фёдор. Любил я его. И он меня, мальчика, любил. Помню, я ещё даже в школу не ходил. Дед уйдёт в лес за дровами, а я жду его с нетерпением. Особенно зимой ждал: за окном снег идёт, а на печке тепло. И вот дед, наконец, из леса возвращается. Стучит дверь, входит в тёплую хату, отряхивая снег с плеч и колен шапкой и рукавицами. Хочется к нему подбежать, но нельзя босым. Заругают. Пол глиняный, ещё холодный...

– А ты от зайчика подарка ждал, Сева? – прижмурился мечтательно Обако.

– Видимо, и ты, Сашко, получал такие подарки зимой.

– А как же? Конфетка из кармана. Пирожок. Леденцы я любил, их можно было долго сосать, растягивая удовольствие.

– Ну, мне другое перепадало. Откуда в лесу леденцы? Дед приносил орехи от белочки. Иногда кислички, такие мелкие яблочки дикие, задубелые на морозе. Ох, вкусные они были!

– У нас, Сева, зимой яблоки из сада были. В погребе вместе с картошкой хранились.

– Во-во... А я кисличкам был рад, дед их называл «райскими яблочками». А ты, Саша, наслаждался настоящими. В нашем садике вишни, сливы были, а яблоки отродясь не водились. Видимо, потому что... Хотя нет, почему – не знаю.

– Не было заведено.

– Да, Сашко... Растревожил ты меня расспросами. Помню, как дед вечерами пел приятным баритоном:

Когда б имел златые горы
И реки полные вина,
Отдал бы всё за ласки, взоры,
Чтоб ты владела мной одна...

– Боже, так это же любимая песня моего отчима! Но он был родом из Орловщины. А твой дид звидкы знав російську мову?

– Дид Фэдир у молодости бул фабрычным, у городи жив. А потом он в армии служил. С немцами воевал в Первую мировую. Генерала Брусилова видел на фронте...

Помолчали.

В парке «Дасуди» перекликалась тонкими голосами какая-то птичья мелочь. Зачирикает одна, ну, прямо сопрано, а вторая ей отвечает ещё громче. «Так, наверное, я с дедушкой перекликаюсь мысленно... Может, он и вправду слышит меня на небесах? Царство тебе небесное, дедуля! Вот и мой срок уже подходит к твоему порубежью», – думалось Марееву.

Было время. После мореходки зимой он приехал в село повидать деда. Мороз был страшный, градусов за тридцать. Пока со станции добирался к дому, заоченел весь. От автобуса до хаты метров пятьсот, так бегом бежал. Представлял, как дедушка обрадуется. Бежал и пел в уме про эти самые золотые горы, которых у него не могло быть.

Обабко нарушил тишину. Как будто ножом полоснул:

– А к тому времени ты уже вино пил, Сева?

– Не-е... Не пил, не курил. И дед не курил, но самогонки рюмку-другую мог пропустить. А я вёз ему бутылку трёхзвёздочного коньяка. На курсантскую стипендию купил. Экономил несколько месяцев. Не попил дедушка городского напитка.

– Не понравился?

– Не смог. Лежал в постели больным. Я забежал изредка к деду в комнату. Зайду, постою... и потопал дальше. Нет, чтоб сесть у кровати, поговорить с дедом?! Перед моим отъездом в Москву, а потом на Сахалин, умер дедушка. Помню, как я шёл за его гробом, почти не осознавая, что нет его на этом свете и уже не будет. Не будет песен про золотые горы. Не будет рассказов о «жизни за царя». Мать свою и отца он вспоминал, неизменно обращаясь к покойникам на «вы».

Обабко слушал молча, склонив голову к земле. Говорил Всеволод отрывисто, с большими паузами, словно отвечал сам себе, на свои же вопросы. Кипрское солнце закатилось за горы. Поднялся порывистый ветер, по небу, откуда ни возьмись, понесло рваные облака, словно тёмные лавины с гор.

– Знаешь, Сашко! Никогда не забуду похороны деда. День выдался ясным и морозным. Почему-то падал редкий снег. Откуда он, если туч не было. Синь над головой, а снег идёт. На подводе лежал на спине дед, а на его лице лежали снежинки и не таяли. Вот эти натающие снежинки – моё самое большое потрясение тех лет.

Не забуду я плачущей сини:

Дед в гробу и натающий иней.

Мареев поднял голову и посмотрел на шагающего рядом Обабко. В свете фонарей было видно, как глаза Сашка увлажнились.

– Пойдём, Сашко, домой. Дождь начинается. Откуда он? Целый день солнце светило, а после захода – на тебе! – стало накрапывать.

Они повернули назад и всю дорогу шли молча, думая каждый о своём...

У калитки их застала страшная гроза с громом и молниями. Марееву вспомнилось, как в детстве было боязно находиться в хате в грозу, особенно в вечернее время. Отключали электричество, чтобы не притянуло, не дай бог, шаровую молнию. Бабушка непрерывно крестилась при взрывах в небе, приговаривая: «Спаси и помилуй, Господи!» А дед говаривал: «Дождь – благодать Божья! Очищение!»

Постояли на крыльце, наблюдая за потоками воды, заполнившими улицу.

– Лют дожди, и нет покоя, не сдержат поток воды... – задумчиво прошептал Мареев и добавил: – Громыкает Небо. Сердится! Предал я деда, Сашко! Иной раз думаю: «Не надо было никуда уезжать из села».

Гроза прекратилась так же внезапно, как начиналась. Ещё долго друзья сидели на веранде под усыпанным яркими звёздами кипрским небом и беседовали. О самом важном, начатом в парке «Дасуди», который так располагает к откровениям...

* * *

...Всеволод встретился в Москве, на Киевском вокзале, с Мишкой, дружкой по мореходке. Ещё раньше сговорились вместе ехать на Сахалин: обоих, не обременённых семьями, из Одессы, словно сослали в островное пароходство, а всех «женатиков» оставили в своих, украинских.

И вот они, юные штурманы, будущие капитаны дальнего плавания отправились в далёкое путешествие. Впереди Японское и Охотское моря, Тихий океан, Курильские острова, Камчатка и, возможно, загадочная Япония.

А пока Сева во все глаза смотрел на Москву с её красивыми домами, широкими улицами. В сравнении с Одессой столица казалась огромной. Мишка иронично оценил войлочные полуботинки Севы:

– Ты где такое чудо достал?

– Так, в селе, в магазине купил. Мать настояла. Они тёплые, то что надо, ведь на самый Сахалин едем.

– Сева, так ты бы в курсантских «гавах» поехал. А если снег мокрый? «Гавы» проверенные. А эти? Из тряпки сделаны.

Через день купили билеты только до Хабаровска, дальше запланировали продолжить путь самолётом до Южно-Сахалинска.

Родовались, что семь дней в поезде проведут, всю страну из окна увидят.

– Севка, представляешь? Из Европы в Азию! Границу будем пересекать. Отметим это дело?

А Мареев только глазами хлопал. Миша всё знает и всё может! Такой разбитной. Учился в мореходке всегда на «отлично». Выпускные сдавал по-английски. Во какой! Столичный парень! Мишка – спортсмен-фехтовальщик, Мишка – умный! О поэзии поговорить? Сыплет стихами Мандельштама. Как-то шли через парк, где деревья в шапках снега и ветки покрыты инеем. Дружок тут же выдал:

Глубока, как ночь, зима,
Снег висит как бахрома...

– Мирский, это ты сам придумал?

– Это Осип Мандельштам! А я буду романы писать. Позже начну, на Сахалине.

Девчата в восторге от него! Бывало, в одесском парке им Т. Г. Шевченко на танцплощадке сами приглашали на танец. Красавец! Лицо – крупное, волосы волнистые, широкоплечий. Куда Севе до него?! Сева – тонкий и высокий, застенчив не в меру. Хотя Бог силой его не обидел. Когда пацаны в шутку задирались, то Мареев любого мог скрутить своими жилистыми руками.

Несколько дней в Москве пролетели как сказочная карусель. Мама Мишки, Марья Борисовна, готовила очень вкусно, старалась побаловать ребят домашней едой, вечерами – в кино или просто гуляли по Тверской, наслаждаясь свободой и мечтая о будущих морских походах.

– Я, Сева, долго в штурманах не задержусь. Капитаном скоро стану. Представляешь: капитан Михаил Мирский! Звучит?

– Мишка, так нам ещё матросами надо трубить и трубить, пока не наработаем нужный ценз для получения рабочих дипломов. Наши пока не дают права занимать штурманскую должность. Ведь так?

– Прорвёмся, Мареев! Всегда есть исключения. На месте разберёмся.

И правда, потом на месте Мишка разобрался: начинали друзья матросами на старом-пре-старом пароходе под названием «Ванцетти», но через пару месяцев Мишка – уже на должности

третьего помощника капитана. Фортуна, судьба-индейка: помощник заболел, его списали на берег, а Мишка занял свободное место. И в парке на танцплощадке, и в море – везде первый!

Пройдут годы, и Мареев вспомнит в стихах матросскую жизнь на пароходе «Ванцетти», будет Мишу Мирского видеть сквозь строчки:

В памяти былое всплыло вдруг:
Чёрный корпус, бело-белая труба!
Помнится ль тебе, старинный друг,
Как играла с нами, юными, судьба?

А тогда, из Москвы на Ярославском вокзале Михаила провожала мама. У вагона она отозвала Севу в сторонку и неожиданно для него сказала:

– Сева, я хочу тебя попросить присмотреть за Мишкой. Ты из села, всё видишь и всё понимаешь. А Мишка... Боюсь, попадёт в какую-нибудь историю.

Испытывая неловкость от того, что ему дают такое деликатное поручение, Сева пообещал.

Ещё до посадки он заметил в стороне пару: очень красивая девушка с раскосыми глазами прощалась с коренастым мужчиной, постарше её возрастом. Если бы красавица вдруг, по какой-то необъяснимой причине, позвала Севу за собой, он, не задумываясь, остался бы на перроне с ней, пусть бы этот коренастый катился в своём поезде на Восток. Поднимаясь в вагон, он несколько раз оглянулся на красавицу, и та бросила быстрый взгляд в его сторону. Заметила! Сердце ёкнуло и быстро застучало... Из вагона – девушки не видать. Эх... зацепила! Все мысли – о большеглазой, высокой незнакомке с распущенными чёрными волосами. И вдруг... Словно сама фортуна явила лик и улыбнулась Всеволоду: в проходе вагона незнакомка прошла к своему месту в соседнем купе, даже не замечая Всеволода. Батюшки мои, вот удача! Девушка расположилась на боковой нижней полке, и Сева будет её видеть со своей, верхней, если ляжет головой к проходу! Но другая беда: на него напала необъяснимая робость, он даже боялся смотреть в её сторону, не то чтобы заговорить с ней.

И вот он, Урал! Мишка за время пути успел со всеми перезнакомиться в своём купе и в соседних – тоже. А в тамбуре он рассказал Севе:

– Видел бурятку? В купе рядом с нашим? Глазищи – что тарелки! Карие! Маринка! Красивая девка. Она нашего возраста. К мужу приезжала в Москву. Он у неё следователем работает, а в Москве на курсах каких-то.

– А куда она едет?

– Так в Бурятию. Я же сказал, что она – бурятка. На последнем курсе учится театрального института, на режиссёра.

– Мишка, мы хотели отметить пересечение границы из Европы в Азию. Будем?

– А как же! Поезд остановится, сбегает и купим бутылку спирта на перроне, пирожков возьмём. Бабки пирожки продают, а спирт, сказала проводница, прямо в киоске можно купить.

В киоске не в киоске, но спиртом разжились, с рук купили поллитровку. И пирожков набрали пару десятков. И вот обитатели купе собрались за импровизированным столом. Молодая женщина Катя добиралась к мужу-офицеру, служившему на границе с Китаем. Вадим, кандидат наук, парень лет под тридцать, ехал в командировку во Владивосток. Дед с бабкой – в гости к дочери в Хабаровск. Мишка без фамильярности пригласил красотку к столу. Пили спирт, рассказывали анекдоты, офицерская жена песню спела вполголоса. Словом, весело общались, как это бывает в дороге, когда вчера ещё не знакомые люди становятся вдруг близкими и родными. Мужняя жена Маринка хохотала в ответ на Мишкины шуточки, а он ещё в придачу стихи Мандельштама читал. Всем было весело, кроме Севы. Он слова не мог вставить

в общий разговор, с обидой и завистью смотрел, как легко и непринуждённо болтали Мишка и Маринка о том о сём.

– Миша, я хочу покурить. Как ты? Пойдёшь?

– Конечно, Мариночка. Я тебя угощу своими сигаретами. У меня пачка «Мальборо». У предка экспроприировал. Он из Америки привёз.

«Ну и гад ты, Мишка! – думал Сева, плетясь за ними по коридору. – Целоваться в тамбуре будут».

– Севка, а ты? Не куришь? – спросила разгорячённая Мариночка-Марина.

– А ему мама не разрешает, – встрял приятель, понятно, недоволен, что друг путается у него под ногами.

Ни слова не говоря, Сева отправился назад, в купе.

– Так быстро уже накурился, Севка? – подначил кандидат наук.

– Парень не курит. Я сам в его возрасте ещё не курил, – вступился за соседа дед с верхней полки.

Как раз тут и появился Мишка, красный как рак. Отозвал Севу в сторону и прошептал:

– Иди в тамбур. Маринка просила, чтоб ты вернулся.

– Да я...

– Иди, иди, дурачок! Нравишься ты ей.

Сева не просто пошёл – побежал...

* * *

Мареев как будто закончил рассказ и, тяжело вздохнув, посмотрел внимательно на друга:

– Что, Сашко? Не утомил я тебя своей болтовнёй? Сейчас войдём в солёное море, и смоем оно сахалинскую историю курсанта.

– Боже мой, Сева, я вначале и не понял, о ком ты рассказываешь. Ты же свою жизнь рассказываешь! Ведь этот курсантик ты и есть? Так?

– Да. Конечно. Не хотелось «якать», вот и выбрал такую форму: о себе, да в третьем лице! Ты ведь, Сашко, просил самую важную историю из моей жизни? Первая любовь! Сколько лет прошло, всплыло в памяти, словно всё это вчера было. Маринка, Мишка, даже проводницу помню, молодая и разбитная деваха, Люськой звали. Мишка закрутил с ней скорую любовь. Устраивали наши с Маринкой свидания в соседнем вагоне, купейном.

– А потом? Что было потом?

– Потом? Прибыли в Улан-Удэ, и Марина попрощалась со мной.

– И всё? – расстроено всплеснул руками Обабо.

– Не всё, не всё... Марина пообещала развестись с мужем и приехать ко мне на Сахалин. Сказала при расставании на перроне, что отец – директор местного театра, он поможет. В том году она оканчивала институт культуры, режиссёрский факультет.

Подошли к пляжу «Дасуди», разместились на скамейке недалеко от здания яхт-клуба. Выходило бело-жёлтое солнце, очень быстро отрываясь от морской линии горизонта.

Мареев продолжил:

– Каждый раз, наблюдая восход солнца над морем, удивляюсь, какое оно разное: то весёлое, то печальное, то беззаботное, то тревожное; красное, белое, туманное, морозное... И каждый раз вижу светило, словно в первый раз... Да, в январе мы с Мишкой прилетели на Сахалин... А потом в моря матросами! Стою, помнится, на крыле капитанского мостика парохода «Ванцетти». Японское море, ветер, волны встречные бухают и бухают о корпус, небо тучами покрыто, а я мечтаю: «Придёт весна, солнце явится, а там, глядишь, и Марина прилетит». Её письмам радовался несказанно, и я ждал прихода судна в порт, нам почту доставляли на борт.

К весне Марина развелась с мужем, написала мне в письме, закапанном слезами радости... Я целовал следы её слёз с размытыми фиолетовыми буквами.

Мареев смотрел на поднявшееся над горизонтом солнце и смущённо улыбался. По крайней мере, так показалось Александру Обабко, и тот, не выдержав паузы, спросил:

– И что? Когда Марина прилетела?

– Пришла радиограмма, я списался на берег на один рейс, приехал в аэропорт Южно-Сахалинска, но девушки не было в самолёте.

– И всё? Может, она рейс поменяла?

– Нет, не поменяла. Я вернулся на пароход спустя неделю... И больше о Маринке я ничего не слышал... Хотя писал ей письма, посылал телеграммы... Через месяц судовой радист призначался мне, что он ошибочно впечатал дату прилёта Марины на неделю раньше. Игра судьбы или случая? Кто знает?

Сашко Обабко, ни слова не говоря, вскочил со скамейки и кинулся к морю, с разбегу бросился в воду и с ожесточением забарабанил руками и ногами по воде. Вскоре он взобрался на волнолом. Мареев видел фигуру друга, сидящего на камнях с опущенной головой. Спустя полчаса Сашко вернулся к скамейке и тихо спросил:

– Сева, ты мне правду рассказал или выдумал эту историю?

– Правду, Саша! Марина прилетала на Сахалин со своим отцом. Отец настоял, чтобы она вернулась с ним в Улан-Удэ.

– Так не должно было быть, Сева! Почему ты не полетел вслед за ней в Улан-Удэ? Почему не вернул её?

– Летал. Спустя год я по пути в Киев заезжал в Бурятию. Но ни Марины, ни её семьи не нашёл. Соседи сказали, что они все переехали то ли в Москву, то ли в Ленинград.

– А Мишка? Как его судьба сложилась?

– Карьера Миши на флоте не задалась. Гордый и вспыльчивый был, но справедливый. Инспектор отдела кадров обидел его, как-то нехорошо отозвался об одесситах, а Миша ответил. Слово за слово, Миша и заехал наглецу в рыло. Вынужден был уйти из пароходства. Уехал в Москву к родителям, заочно окончил Ленинградский кораблестроительный институт. Стал довольно известным в профессиональных кругах конструктором подводных лодок. Но всю жизнь мечтал о море. Очень хотел вернуться на капитанский мостик. Погиб Мишка двадцать лет назад. Машина сбила его у метро, водитель пьяный оказался...

Обабко стукнул кулаком по коленке:

– Ну как же так, как же так?! Вот судьба! Так не должно было быть!

– Впечатлительный ты уж очень, Сашко. Что тебе Мишка?

– А как же не пожалеть и не восхититься этим парнем? Добрая и гордая душа! Царство ему небесное. Друг верный! Даже помогал тебе в поезде с Маринкой свиданки устраивать. И что? А след Марины навеки потерялся?

Мареев какое-то время помолчал, но видя, как выжидательно и с нетерпением на него смотрит Обабко, произнёс улыбаясь:

– Марина Станиславовна в Москве. Недавно в театре встретились. Судьба? Случай?

– Как? Как это было? – всплеснул руками Обабко.

– У гардероба окликнула меня: «Севка!» Столько лет прошло... Словно пулей сердце пронзило! Кинулись друг к другу, расцеловались. Всё возвращается, всё повторяется, друг мой...

– И что? Так и...

– Так, Сашко, так! Не будем больше об этом, – поставил точку Мареев и неспешно пошёл к морю.

У воды он оглянулся и увидел Обабко, который принялся делать зарядку с приседаниями, но потом стал выделять весёлые коленца, похожие на те, что демонстрировал на банкете после концерта на родине Мареева, в далёком украинском селе Дубовэ.

«Сашко, друже мий... участливая душа! Ишь, как за меня радуется... Не будь столько людей на пляже, так и гопака сплясал бы!» – подумал Мареев, входя в воду. Затем он повернулся и позвал друга:

– Саша, айда в море! Поплыли до волнолома!

5. Не с той ноги...

Обабко обиделся на Мареева? Да кто в это поверит? Друзья – водой их не разольёшь! Как такое могло случиться? Хотя... Кто знает Обабко, тот скажет, что он сам никогда и никого обидеть не сможет, вот обидеться может. Душа у него мягкая и добрая. Кто видел эту самую душу? А не надо её видеть! Лицо Сашка надо видеть, глаза его! На губах всегда бодрствует улыбка, порой она там плясать начинает... Так душа отзывается на события, происходящие вокруг Сашка. И даже если события не очень, ну, например, что-то недоброе происходит, улыбка всё-таки не покидает Обабко, хотя и меняется, становится виноватой и печальной. Что это? Отклик на несправедливость, грубость окружающего мира? Чувствует душа свою ответственность за эту несправедливость, мается она, и тогда лицо Сашка приобретает вид страдальческий, но всё равно улыбочивый. И глаза! Глаза его лучатся светом неземным, нет-нет – земным светом, ярким и весёлым, но в фантастически меняющихся оттенках. Больше радости – больше яркости и переливчатости в жёлтом, белом, синем, оранжевом и во всяком другом цвете, а то и все цвета вместе взятые переливаются в глазах Сашка. Только вот чёрного цвета нет, бордового не бывает, да и от серого – боже упаси! И всяких там ядовитых окрасов не бывает, а есть всё мягкое и приятное. Но иногда случается, что печаль и скорбь затуманивают глаза Сашка... Это бывает тогда, когда жалость проникает в душу или когда ему становится стыдно... Не за себя стыдно, ибо никогда, слышите, никогда он не совершает постыдных поступков. А вот чужие плохие поступки на себя принимает и стыдится. Глаза отводит, в землю смотрит, смущается и... отходит в сторону. Вот и сейчас такой случай: с утра завтракать не стал и умчался куда-то ни свет ни заря.

* * *

Раздумья Мареева прервал приезд Марго. Вышла из машины и тут же:

– Отец! Что произошло? Пана Олександра встретила, шёл мне навстречу с опущенной долу головой.

– Что же ты, Марго, не остановилась? Спросила бы его?

– Что ты... Конечно, остановилась и вышла из машины поздороваться. А он обрадовался, кинулся навстречу, как обычно, к ручке приложиться. Аж три раза чмокнул... Словно забылся, гуляя в мыслях где-то в другом месте.

– С чего ты, Марго, моего друга паном называешь? Какой он тебе пан?

– Так он ко мне обратился сам: «Пани Маргариточка, целую ваши ручки». В ответ спросила его, что он такой печальный.

– И что?

– А ничего! Махнул рукой и пошёл в сторону моря. Определённо, обидел ты его. Ты можешь обидеть, когда не с той ноги встанешь. Я-то знаю! Кстати, с какой ноги ты сегодня встал?

– А я помню?! А с какой надо?

– Спросил бы лучше, с какой не надо? С левой – не надо!

* * *

Марго уехала по своим делам, а Мареев сидел на приставном стульчике у парадной двери, всматриваясь в дорогу; он ожидал возвращения Обабко. При этом вспоминал события вчерашнего дня. С самого утра не задался день! На рассвете сон дурацкий приснился, что как будто он поругался со своим другом Сашком Обабко. И началась ссора с его, Мареева, дурацкой шутки. Ещё курсантами в мореходном училище так шутили. За завтраком взял... да и бухнул ложку соли в чашку чая друга, когда тот на секунду отвернулся. Чёрт его дёрнул такую глупость сотворить! Посолить чай гостю! Не курсанты молоденькие всё-таки! Тем более, что Сашко на флоте не служил и не привык к таким примитивным, можно сказать, тупым приколам. Потом спохватился, но поздно уже было... Как сказать? А Сашко тем временем три ложки сахара в чай положил и стал усиленно размешивать... И это монотонное постукивание было нестерпимо слушать. И Мареев, не выдержал во сне:

– Да хватит уже стучать ложкой о чашку! Такой скрежет – как серпом да по одному месту...

– Ой, прости, Сева! Задумался я! Вот одна мысль у меня мелькнула.

– Одна всего? – съязвил Мареев, злясь на себя, что попал в такое глупое положение, что остановиться не может.

– Одна, зато какая! – заулыбался Обабко, и глаза его наполнились радостным светом весенним.

– Да пей ты уже чай, а то остынет, – опять не к месту выпалил.

Сашко отхлебнул сладко-солёного чая. Глаза его сразу потемнели, он поперхнулся и пулей выскочил из-за стола... А Мареева из сна словно кто-то науськивал. Он быстренько поменялся с другом чашками с чаем. Тут как раз вернулся к столу Сашко.

– Не в то горло попало, Сашко?

– Дурак ты, боцман, и шутки твои дурацкие!

Таков был ответ, как выстрел из пистолета, причём фраза из заезженного анекдота. На этом фантазмагория с розыгрышем не прервалась! Почему так грубо, не похоже на себя,отреагировал на шутку Сашко? И дальше пошло всё наперекосяк, а почему?

Утром, после завтрака, после реального завтрака с фирменной яичницей «от Обабко», его, Мареева, на самом деле, словно Остапа Бендера, понесло. Пнул ногой соседского чёрного кота, который у дверей веранды ждал традиционного угощения. Тот заверещал и мигом перемахнул через ограду в свой двор, а Сашко с удивлением посмотрел на друга:

– Сева, что случилось? Какая муха тебя укусила?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.